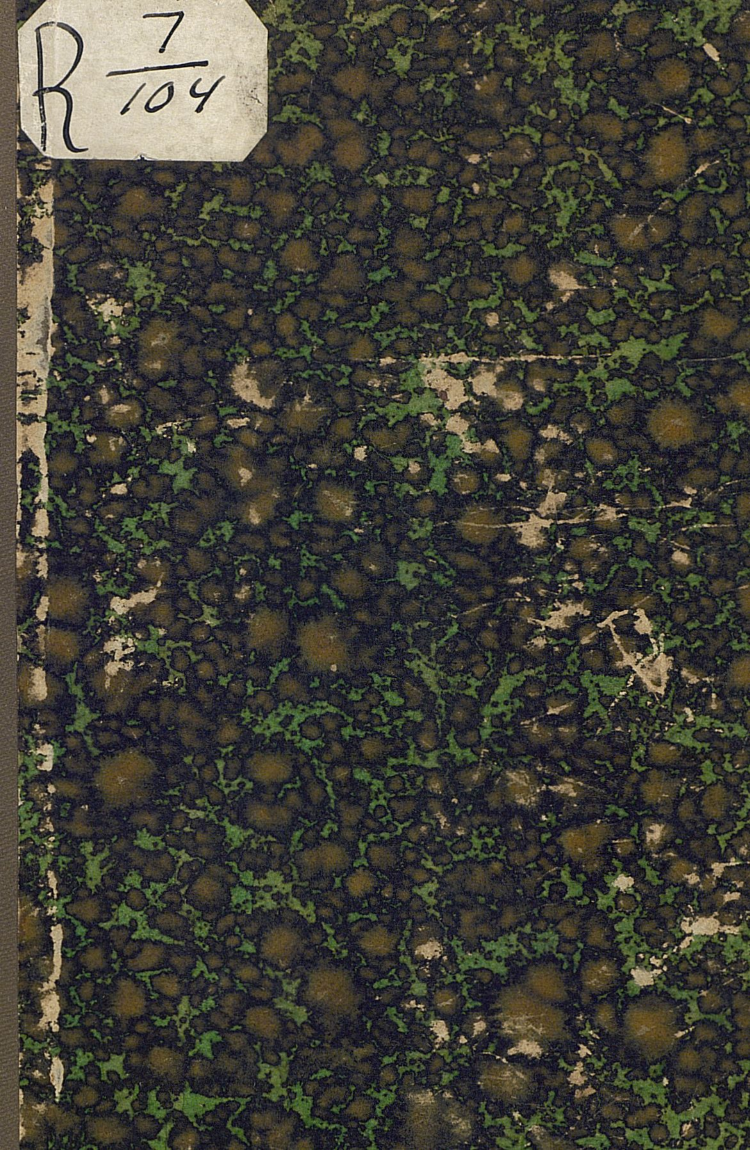

РУССКАЯ КНИЖКА

И. ХУДЯКОВА.

I. Сказки. Пословицы. Загадки. Пѣсни. Русскія города Былины. — II. Стихотворенія. Разсказы. Басни. — Народный мѣсяцесловъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ О. И. БАКСТА.

1863.

2007088404

РУССКАЯ КНИЖКА

И. ХУДЯКОВА.

I. Сказки. Пословицы. Загадки. Пѣсни. Русскія города Былины. — II. Стихотворенія. Разсказы. Басни. — Народный мѣсяцесловъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ О. И. БАКСТА.

1863.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. Октября 5 дня 1863 г.

Въ типографіи О. И. Бакста.

ОТДѢЛЪ I.

I. СКАЗКИ.

---

1. Сосватанныя дѣти.

Жили-были два богатыхъ купца. Были у нихъ: у однаго была дочь, а у другаго былъ сынъ — однолѣтки. И былъ у нихъ сговоръ. Потомъ поѣхалъ одинъ купецъ въ Кіевъ, далъ московскому двадцат тысячъ въ залогъ. Вотъ хорошо. Живутъ купцы всякой въ своемъ городѣ, а другъ друга не навѣщаютъ — далеко. Прошло много времени. Московской купецъ видитъ, что отъ стараго его знакомца нѣтъ ни вѣсти, ни слуху, и просваталъ дочь свою за полковника. Въ то самое время призываетъ кіевской купецъ своего сына и говоритъ

ему: „поѣзжай-ка ты въ Москву, тамъ есть озеро; на томъ озерѣ мы поставили пленку; если въ эту пленку попалась утка—то утку вези, а ежели нѣтъ утки—то пленку назадъ“ *). Купеческой сынъ собрался и поѣхалъ въ Москву; ѣхалъ-ѣхалъ, вотъ ужь близко, всего одинъ перегонъ остался. Надо ему черезъ рѣку переправляться, а на рѣкѣ мостъ: половина замощена, а другая нѣтъ. Тою же дорогою случилось ѣхать и полковнику; подъѣхалъ къ мосту и не знаетъ, какъ ему перебраться на ту сторону. Увидалъ онъ купеческаго сына и спрашиваетъ: „Ты куда ѣдешь?“—„Въ Москву“.—„Зачѣмъ?“—„Тамъ есть озеро, въ томъ озерѣ мы поставили пленку, ѣду теперь: если попалась въ пленку утка — то утку возьму, а если утки нѣтъ — то пленку назадъ!“— Полковникъ и думаетъ: что за диво! — „Какъ же, говоритъ, намъ черезъ рѣку переѣхать?“ — „Я поѣду задомъ напередъ!“ — говоритъ купеческой сынъ. Погналъ лошадей, доѣхалъ до половины моста, и давай заднія доски напередъ перемащивать; намостилъ и перебрался на другую сторону, а вмѣстѣ съ нимъ и полковникъ переѣхалъ. Вотъ пріѣхали они въ городъ. „Ты гдѣ остановишься?“—спрашиваетъ полковникъ купеческаго сына,— „А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ“.— Распрощались и повернули всякой въ свою сторону.

---

*) Пленка — деньги, данныя въ залогъ; утка — невѣста.

Купеческой сынъ присталъ у одной бѣдной старухи, а полковникъ погналъ къ невѣстѣ. Тамъ его стали поить-угощать, о дорогѣ спрашивать. Онъ и разсказываетъ: „повстрѣчался я съ какимъ-то купеческимъ сыномъ; спросилъ его: зачѣмъ въ Москву ѣдетъ? А онъ въ отвѣтъ: есть-де въ Москвѣ озеро; на томъ озерѣ мы съ отцемъ поставили пленку; теперь ѣду: если попалась въ пленку утка, то утку возьму; а если утки нѣтъ, то пленку назадъ. Тутъ пришлось намъ черезъ рѣку переправляться; на той рѣкѣ мостъ: половина замощена, половина нѣтъ. Раздумался я, какъ на другую сторону переѣхать? А купеческой сынъ сейчасъ смекнулъ, задомъ напередъ переѣхалъ и меня перевезъ“. Невѣста и спрашиваетъ: гдѣ же онъ на квартирѣ сталъ?—„А въ томъ домѣ, гдѣ весна съ зимой на воротахъ“.—Вотъ купеческая дочь побѣжала въ свою комнату, позвала служанку и приказываетъ: „возьми кринку молока, ковригу хлѣба, да лукошко яицъ; изъ кринки отпей, ковригу почни, изъ лукошка - яйцо скушай. Потомъ ступай въ тотъ домъ, гдѣ на воротахъ трава съ сѣномъ привязаны; разыщи тамъ купеческаго сына, отдай ему хлѣбъ, молоко и яйца, да спроси: въ своихъ ли берегахъ море или упало? полонъ ли мѣсяцъ или въ ушербѣ? всѣ ли звѣзды на небѣ или скатились?“ — Пришла служанка къ купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашиваетъ: „что море: въ своихъ ли берегахъ или упало?“ — Упа-

ло. — „Что мѣсяцъ полонъ или въ ущербѣ?“ — Въ ущербѣ. — „Что звѣзды: всѣ ли на небѣ?“ — Нѣтъ, одна скатилась *). Вотъ служанка воротилась домой и разсказала эти отвѣты купеческой дочери. „Ну, батюшка! — говоритъ купцу купеческая дочь -- вашъ женихъ мнѣ не годится, у меня есть свой давнишній“. Сейчасъ послали за настоящимъ женихомъ, стали свадьбу справлять, да пиръ пировать, а полковнику отказали. На той свадьбѣ и я былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

2. Семилѣтка.

Жили-были два брата: богатый и бѣдный. Бѣдный-то овдовѣлъ; отъ жены осталась дочка на седьмомъ году; оттого и прозвали ее Семилѣткой. Только богатый и подарилъ Семилѣткѣ плохенькую телушку. Семилѣтка поила, кормила, холила телушку, и изъ нея стала славная корова и принесла ей теленка. Только пришли къ Семилѣткѣ въ гости дочери богатаго дяди и увидали телушку; пошли и сказали отцу. Богатому и захотѣлось отнять телушку, а бѣдный-то не от-

*) Упавшее море — кринка отпитаго молока; ущербнувшій мѣсяцъ — початый хлѣбъ; скатившаяся звѣзда съ неба — яйцо съѣденное изъ лукошка.

даетъ. Спорили, спорили они; пришли къ воеводѣ, просятъ разобрать ихъ дѣло. Богатый и говоритъ: „я, говоритъ, дарилъ племянницѣ только телушку, а не приплодъ“. А бѣдный говоритъ: „телушка моя, такъ и приплодъ мой!“ Какъ тутъ рѣшить дѣло? Воевода и говоритъ имъ: „вотъ отгадайте три загадки! Кто отгадаетъ, того и телушка! Сперва отгадайте: что всего быстрѣе?“

Пошли мужички домой. Бѣдный и думаетъ: „что тутъ сказать?“—и говоритъ Семилѣткѣ: „дочка, дочка! Воевода-то велѣлъ отгадать, что на свѣтѣ всего быстрѣе? Что я ему скажу?“ — Не тужи, батюшка! Утро вечера мудренѣе. Легъ онъ спать. Утромъ и будитъ его Семилѣтка: „вставай, батюшка! Пора идти къ воеводѣ. Ступай да скажи, что всего быстрѣе на свѣтѣ мысль!“ Всталъ мужикъ, отправился къ воеводѣ; пришелъ и братъ. Вышелъ къ нимъ воевода и спрашиваетъ: „ну, скажите, что всего быстрѣе?“ Богатый выскочилъ впередъ, говоритъ: „у меня, говоритъ, есть конь такой быстрой, что никто его не обгонитъ! онъ всего быстрѣе“. Воевода засмѣялся и говоритъ бѣдному: ты что „скажешь?“—Мысль всего быстрѣе на свѣтѣ!—Воевода удивился и спрашиваетъ: „кто тебя этому научилъ?“ — Дочь Семилѣтка.—„Ну, хорошо! Отгадайте теперь, что на свѣтѣ всего жирнѣе?“

Пришли мужики домой. Бѣдный приходитъ и гово-

ритъ Семилѣткѣ: „воевода намъ загадалъ: что на свѣтѣ всего жирнѣе? какъ тутъ отгадать?“—Ну, батюшка, не тужи! Утро вечера мудренѣе. Старикъ легъ спать. Утромъ Семилѣтка и будитъ его: „вставай, батюшка! Пора къ воеводѣ идти! Спроситъ онъ тебя: что всего жирнѣе? — скажи, что всего жирнѣе земля, потому что она производитъ всякіе плоды“. — Всталъ отецъ, пришелъ къ воеводѣ; пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и спрашиваетъ: „ну, что? придумали — что всего жирнѣе?“ —Богатый выскочилъ впередъ и говоритъ: „у меня есть боровъ да такой жирный: жирнѣе его нѣтъ ничего! Онъ всего жирнѣе!“ Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: „ну, а ты что скажешь?“ — Земля всего жирнѣе, потому что она производитъ всякіе плоды! — Воевода удивился и спрашиваетъ: „кто тебя это научилъ?“ —Дочь, говоритъ, Семилѣтка! — „Ну, хорошо. Теперь отгадайте: что на свѣтѣ милѣе?“

Пошли мужики домой. Пришелъ бѣдный и говоритъ Семилѣткѣ: „такъ и такъ воевода загадалъ. Что теперь дѣлать?“ — Ну, тятенька, не тужи! утро вечера мудренѣе. — Онъ легъ спать. Утромъ будитъ она его и говоритъ: „вставай, батюшка! Пора идти къ воеводѣ. Станетъ онъ тебя спрашивать, скажи, что всего милѣе человѣку сонъ: во снѣ всякое горе позабывается!“ Всталъ отецъ, пошелъ къ воеводѣ; пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и говоритъ: „ну, скажите: что

всего милѣе на свѣтѣ?“ — Богатый выскочилъ впередъ и кричитъ: жена на свѣтѣ всего милѣе! — Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: „а ты что скажешь?“ — Сонъ на свѣтѣ для человѣка всего милѣе: во снѣ всякое горе позабывается! — Воевода удивился и спрашиваетъ его: „кто тебѣ это сказалъ?“ — Дочь Семилѣтка.

Воевода и говоритъ старику: „ступай скажи своей Семилѣткѣ, чтобы она ко мнѣ пришла ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни на саняхъ, ни на телегѣ, ни нага, ни одѣта и чтобъ принесла ни подарокъ, ни отдарокъ!“ Приходитъ отецъ домой, разсказалъ все дочери. Вотъ на другой день Семилѣтка взяла сняла съ себя одежду и обвернулась мережей, взяла голубя, отправилась къ воеводѣ и подала ему голубя. Голубь тотчасъ вырвался и улетѣлъ. Перехитрила она воеводу; а она ему очень понравилась. Видитъ онъ, что она хитра-мудрена, взялъ на ней и женился. Стали жить да поживать, да добра наживать, а худо проживать.

3. Овца, Лиса и Волкъ.

У крестьянина изъ гурта бѣжала овца. На встрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: „куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?„ О-о-ихъ кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдуритъ, а все

я, овца, виновата! Вотъ и вздумала уйти — куда глаза глядятъ. — „И я тоже! отвѣчала лиса. Гдѣ мужъ мой курочку словитъ, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ко вмѣстѣ“. Черезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. „Здорово, кума!“ — Здравствуй! говоритъ лиса. „Далече-ли бредешь?“ — Она въ отвѣтъ: куда глаза глядятъ! Да какъ разсказала про свое горе, бирюкъ молвилъ: „и я такъ же! Гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемте-ко вмѣстѣ“. Пошли. Дорогою бирюкъ и говоритъ овцѣ: „а что, овца, вѣдь, на тебѣ тулупъ-то мой?“ Лиса услышала и подхватила: „взаправду, кумъ, твой?“ — Вѣрно мой! — „Побожишься?“ — Побожусь! — „Къ присягѣ пойдешь?“ — Пойду. — „Ну, иди, цѣлуй присягу!“ Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она привела бирюка къ самому капкану и говоритъ: „ну, вотъ здѣсь цѣлуй!“ — Только что сунулся бирюкъ сдуру, а капканъ щелкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцей тотчасъ убѣжали отъ него по добру, по здорову.

4. Орелъ и птицы.

Былъ гусь и говоритъ: „что жь я гусь высоко летаю, большинства надъ собой не знаю.“

Завѣдала перепелка: „точно ты, гусь, высоко летаешь, а большинства надъ собой не знаешь. Точно, я пере-

пелка—божья пташечка рано встаю, раннюю зорьку отпѣваю.“

Завѣдала сорока: „ахъ, ты, перепелка, ахъ ты толстоляхая, гдѣ жь тебѣ рано вставать, раннюю зорьку отпѣвать. Точно, я сорока, я бѣлобока, у людей была, съ людьми баила про тѣ дѣла, про тѣлесныя.“

Завѣдалъ соколъ: „ахъ, ты сорока, ахъ, ты бѣлобока, тульская колдунья, ярославская хвостунья, гдѣ жь тебѣ у людей быть, съ людьми баить, про тѣ дѣла, про тѣлесныя! Точно, я соколъ, высоко летаю, на лету всякую птицу побиваю; я всѣмъ вамъ царь.“

Завѣдалъ воронъ: „точно ты, соколъ, высоко летаешь, на лету всякую птицу побиваешь, а за чѣмъ же ты хвалишься, орловскимъ царскимъ именемъ называешься? Царь орелъ узнаетъ, вамъ съ сорокой худо будетъ.“

Ворона глядѣла, глядѣла: „полечу я къ царю къ орлу; не дастъ ли, говоритъ, онъ мнѣ какой нибудь чинъ?“— Гдѣ ни взялся молодой воробей, началъ бить, началъ колотить, всю ей грудь отбилъ, дыханье заложилъ. Она прилетаетъ къ царю, къ орлу, забыла ужь чинъ просить, начала на воробья жаловаться: „батюшко царь орелъ, молодой воробей разобидѣлъ, всю грудь отбилъ, дыханье заложилъ!“—Позвать сюда молодаго воробья!

Кличутъ его туда; а синица подъ бока жиляетъ и говоритъ: „воробей, не робей; мы съ тобой вмѣстѣ у мужичка на огородѣ сѣмячко клевали, да одно зернышко

подымали!“—А онъ ей и говоритъ: „синица, побойся ты Бога, не говори ты много, мнѣ и такъ безъ тебя тошно.“—И полетѣлъ молодой воробей туда.

Царь орелъ выходитъ.—Молодой воробей, зачѣмъ, говоритъ, ворону разобидѣлъ?— „Батюшко царь орелъ, она воронища, дуровнища, поздно вечеромъ летаетъ, широко ротъ разѣваетъ. Мужичекъ выйдетъ разметать точокъ; она зашумитъ, закричитъ дурнымъ голосомъ; онъ броситъ метлы, лопату и глядитъ на небо: „знать, говоритъ, завтра непогода, ворона закричала!“ На насъ, говоритъ, на мелкую пташку зуду нагоняетъ: кто подъ тынокъ, кто подъ плетенекъ, кто гдѣ денекъ пребываетъ, тотъ тамъ съ голоду помираетъ“.—Что, говоритъ, дура ворона: воробей правду говоритъ. Воробей! Дай ей тычекъ еще!

Завѣдала цапля: „батюшко царь орелъ! пусти меня спасаться.“

Завѣдала галка: „ахъ ты цапля, ахъ ты долгобудылая, куда жъ тебѣ, этакой дурищѣ, спасаться, ты тамъ всѣхъ перепугаешь. Точно, я галка, монастырочка, при колокольнѣ живаю, божье пѣньицо слыхаю, на мнѣ платьеце черненькое, все равно, какъ на монашенкѣ, вотъ я туда гожуся.“ А тетеревъ сидитъ на березѣ, сидитъ и говоритъ: „что я на березѣ сижу и вашихъ дѣловъ не разсужу.“ Она ему говоритъ: „о глухой шутъ! Гдѣ жъ тебѣ наши дѣла разсудить!“

Завѣдала курица: батюшко царь орелъ! Меня бабы ругаютъ, камушками кидаютъ, еще дурой называютъ. Какая я дура, у меня есть тоже крылышки, перышки рябенькія, я такая же пташечка.

Завѣдалъ голубь: „ахъ, ты куравница, ахъ ты дуравница, выводишь ты дѣтищу дуравницу, ты ихъ не поишь, не кормишь; тебя же съ ними поятъ и кормятъ, а ты тѣмъ не проймешься, къ мужику на огородъ заберешься. Старики увидятъ, побранятся, за большія бороды поводятся. А я голубчикъ, убога пташечка, выведу дѣточекъ парочку, а мало парочку, съ добавочкомъ, по озерамъ, по болотамъ летаю; мухъ - козявокъ собираю, сама кормлюсь и дѣтей питаю. — Тамъ стоитъ бочка, на бочкѣ корецъ, всей сказкѣ конецъ.

5. Каково птицамъ жить на морѣ.

Какъ отъ синяго Дунайскаго моря
Прилетала малая птица,
Малая птица-пѣвица.
Садилася малая птица,
На то ли на дерево на калину,
Зачала она пѣть-попѣвать,
Пѣть-попѣвать, хорошо воспѣвать.
Услышали русскія птицы,
Слеталися птицы стадами,

Садилися около рядами,
Въ одну сторону головами,
Стали они пѣть - воспѣвать,
Стали ту птицу спрошати:
„Ты скажи, заморская птица,
Скажи намъ всю правду:
Кто у васъ на морѣ большій,
Кто на Дунайскомъ меньшій?“
Возговоритъ заморская птица:
„Глупыя вы, русскія птицы!
За чѣмъ вы ко мнѣ прилетали,
За чѣмъ про сине море спрошали?
Всѣ у насъ на мори больши,
А нѣту на Дунайскомъ меньшихъ.
Всѣ у насъ птицы по дѣламъ,
Всѣ у насъ птицы по работамъ:
Селезни — торговыя гости,
А утушки — тѣ купецкія жонки,
Галицы на морѣ — черницы,
Тѣ ли молодыя молодицы...
Журавль по бережку ходитъ,
Людей перевозитъ,
Цвѣтное платье не мочитъ....
Дятелъ у насъ плотникъ,
Онъ по лѣсу летаетъ
Дерева пытаетъ......

II. ПОСЛОВИЦЫ.

---

1. Честь.

Каковъ Сава, такова ему и слава.

Хорошая слава въ лукошкѣ лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжитъ.

Не хвались родителями, а хвались добродѣтелями.

Хоть шуба овечья, да душа человѣчья.

2. Слово.

До слова крѣпись, а давши слово, держись.

Договоръ лучше денегъ.

Чужимъ добромъ не наживешься.

За чужое лычко ремешкомъ отдашь.

Воровство—послѣднее ремесло.

Чужой бѣдой сытъ не будешь.

Не хвались серебромъ, хвались добромъ.

Богатство спеси сродни.

Не бойся богатыхъ грозъ, а бойся убогихъ слезъ.

Убогаго слеза жидка да ѣдка.

Безъ правды вѣку не изживешь.

Неправдой полсвѣта пройдешь, да назадъ не воротишься.

Правое слово велико.

Все минéтся, одна правда останется.

Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.

3. Умъ.

Безъ ума голова пивной котелъ.

Красно поле пшеномъ, а бесѣда умомъ.

Чужимъ умомъ въ люди не выйдешь.

Свой умъ—царь въ головѣ.

Чужимъ умомъ вѣкъ не прожить.

Не всякой уменъ, кто въ краснѣ наряженъ; а бываетъ съ умомъ и не красный Пахомъ.

Малъ золотникъ, да дорогъ; велика Ѳедора, да дура.

Великъ оселъ, да воду возятъ; малъ соколъ, да на рукахъ носятъ.

Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

Ученье лучше богатства.

4. Ханжество.

Черныя ризы не спасутъ, а бѣлыя не погубятъ.

Не всякъ монахъ, на комъ клобукъ.

Что больше народу въ церкви, то онъ (ханжа) выше руку заноситъ.

Спасается, а кусается.

Богословъ да не однословъ.

Не строй семь церквей, пристрой семь дѣтей (т. е. сиротъ).

Лучше не понедѣльничать, да не бездѣльничать.

Бѣсъ хлѣба не ѣстъ, да не святъ.

III. ЗАГАДКИ.

---

1. Самъ худъ,
   А голова съ пудъ.
2. Отчего гусь плаваетъ?
3. Берега желѣзны,
   Вода дорога,
   Рыба безъ костей.
4. Безъ языка, а сказывается.
5. Стоитъ море
   На пяти столбахъ;
   Царь говоритъ:
   Потѣха моя;
   Царица говоритъ:
   Погибель моя.

1. Безмѣнъ. 2. Отъ берега. 3. Блины. 4. Боль. 5. Вино.

6. Ѣду, ѣду,
Слѣду нѣту;
Куда ни заѣду,
Изъ ухаба не уѣду.

7. У нашего сосѣда
Конь саврасъ
По колѣни увязъ.

8. Что стоитъ возлѣ чаю?

9. Въ потемкахъ родится,
Съ огнемъ помираетъ.

10. Птица
Юстрица
На девяти ногахъ стоитъ,
На вѣтеръ глядитъ,
Крыльями машетъ,
А улетѣть не можетъ.

11. Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ,
Хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ.

12. На топталѣ былъ,
На кружалѣ былъ,
На пожарѣ былъ,
На базарѣ былъ,
Домой пришелъ.

6. Вода, когда плывутъ въ лодкѣ. 7. Воротній столбъ (верея). 8. Воскресеніе мертвыхъ. 9. Воскъ. 10. Вѣтренная мельница. 11. Гвоздь въ сапогѣ. 12. Горшокъ.

13. Никто не таковъ,
Какъ Иванъ Дураковъ;
Сѣлъ на конь,
Да поѣхалъ въ огонь.

14. Стоитъ Трошка
На одной ножкѣ.
Его ищутъ,
А онъ нишнетъ.

15. На бору,
На юру
Стоитъ старичекъ,
Красенъ колпачекъ.

16. Кто дѣлаетъ — не для себя,
Кто покупаетъ — тому не нуженъ,
А кому нуженъ — тотъ не вѣдаетъ.

17. На что купецъ шляпу купилъ?

18. Безъ ногъ ходятъ?

19. Вотъ я разлеглася:
Какъ бы я встала,
Такъ небо достала;
Какъ бы руки да ноги,
Я бы вора связала,
Какъ бы ротъ да глаза —
Я бы все разсказала.

13. Горшокъ. 14. Грибъ. 15. Грибъ. 16. Гробъ. 17. На деньги. 18. Деньги. 19. Дорога.

20. Пришелъ воръ въ окно,
Хозяина въ окно унесъ.

21. Черенъ да не воронъ,
Рогатъ да не быкъ,
Шесть ногъ безъ копытъ,
Идетъ — земли не деретъ.

22. Маленькая собачка
Согнувшись лежитъ;
Не кусаетъ,
Не лаетъ,
А въ домъ не пускаетъ.

23. Бабушка Софья
День и ночь сохнетъ;
Утро настанетъ
И прочь отстанетъ.

24. Разсыпался горохъ
По сту дорогъ;
Никто его не соберетъ,
Ни царь, ни царица,
Ни красная дѣвица.

25. Звѣрокъ
Съ вершокъ;
А хвостъ
Семь верстъ.

20. Вѣтеръ и дымъ. 21. Жукъ. 22. Замокъ. 23. Заслонъ. 24. Звѣзды. 25. Игла съ ниткой.

*

26. Что возлѣ земли стоитъ?
27. Стоитъ старикъ на берегу,
А плюетъ въ рѣку.
28. Утка въ морѣ,
А хвостъ на заборѣ.
29. Сидитъ пѣтухъ на воротахъ,
Хвостъ до полу,
Голосъ до небу.
30. Живой мертваго бьетъ.
А мертвый вопіетъ.
31. Летитъ птица,
Носикъ долгой,
Голосъ тонкой;
Кто ее убьетъ,
Человѣческу кровь прольетъ.
32. Хоть не огонь, а жжется.
33. Два раза на свѣтъ родилась.
34. Кто родился и не умеръ?
35. И не шито,
И не кроено,
А клинъ вставленъ.
36. Сидитъ дѣдъ
Многимъ платьемъ одѣтъ,

26. Иже. 27. Квасникъ. 28. Ковшъ въ кадкѣ съ водой. 29. Колоколъ. 30. Колоколъ. 31. Комаръ. 32. Крапива. 33. Курица. 34. Живущіе. 35. Лошадь пѣгая. 36. Лукъ.

Кто его раздѣваетъ,
Тотъ отъ жалости слезы проливаетъ.

37. Кину я порохомъ,
Сдѣлается городомъ
Красною Москвой,
Храброю Литвой.

38. Надъ нами
Вверхъ ногами
Ходятъ — не страшаться
И никого не боятся.

39. На одной ямѣ сто ямъ съ ямой?

40. Летитъ по птичью,
Реветъ по бычью.

41. Отецъ не рождался,
А сынъ ужъ на крышѣ сидитъ.

42. Летѣло сто гусей; одного убилъ, сколько осталось?

43. Скоро ѣстъ,
Мелко жуетъ,
Сама не глотаетъ,
Другой сытъ бываетъ.

44. Не грѣшна,
А повѣшена.

37. Макъ. 38. Мухи на потолкѣ. 39. Наперстокъ. 40. Оводъ. 41. Огонь и дымъ. 42. Одинъ. 43. Пила. 44. Птица.

45. Еръ Егорко
Упалъ въ озерко,
Воды не сколыхалъ
И самъ не утонулъ.

46. Курица съ хохломъ,
Всякому поклонъ.

47. Два кольца,
Два конца,
По середкѣ гвоздь.

48. Самъ нагъ,
Рубашка въ пазушкѣ;
Самъ бѣлъ,
Дѣтки красные.

49. Самъ съ локотокъ,
Борода съ вѣникъ.

50. Гдѣ вода стоитъ столбомъ — не проливается?

51. Стоитъ гусь надъ водой.
Машетъ своей бородой.

52. Отчего собака ложится?

53. У туши
Уши,
А головы нѣтъ.

45. Пухъ. 46. Рукомойникъ. 47. Ножницы. 48. Свѣчка. 49. Снопъ. 50. Въ стаканѣ. 51. Тростникъ. 52. Не умѣетъ она садиться. 53. Ушатъ.

54. Стучитъ,
Бречитъ,
Вертится,
Ходитъ весь вѣкъ,
А не человѣкъ.

55. Ходитъ,
А въ избу не входитъ.

56. Что весьма нужно при столѣ?

57. Съ ушами да не слышитъ?

58. Шутъ въ лужѣ,
А борода наружѣ.

59. Далъ мужикъ три рубля велѣлъ купить три коровы: почемъ каждая корова пришла?

60. Сидитъ на ложкѣ,
Свѣсивши ножки?

61. Что на водѣ лежитъ да не тонетъ?

62. Что всегда идетъ,
А съ мѣста не сойдетъ?

63. Въ какой землѣ сѣютъ рѣпу?

64. Что со двора не стащить?

65. Четыре ноги да не звѣрь;
Есть перья да не птица.

66. Безъ начала, безъ конца?

54. Часы. 55. Дверь. 56. Ротъ. 57. Ушатъ. 58. Рѣдька. 59. По дорогѣ. 60 Лапша. 61. Тѣнь. 62. Часы. 63. Нигдѣ, потому что вездѣ сѣютъ рѣпныя сѣмена. 64. Яму. 65. Кровать съ постелью. 66. Кольцо.

67. Малъ былъ — отца мать кормилъ;
Старъ сталъ,
Пеленаться сталъ.
68. Не шагаетъ, а ходитъ?
69. Мертвый встанетъ, живыхъ будетъ ѣсть?
70. Весь міръ подпоясанъ,
Одинъ староста распоясанъ.
71. Ни глазъ, ни ушей, а слѣпцовъ водитъ.
72. Кровь пью,
И жизнь даю.
73. Маленькой Данилко
Въ петельку удавился.
74. Безъ рукъ, безъ ногъ
На гору ползетъ?
75. Кто ни подошелъ,
Всякъ меня за вихоръ.
76. Летитъ — молчитъ,
Сядетъ — молчитъ,
А помретъ да сгніетъ,
Такъ и заревeтъ.
77. Что ростетъ вверхъ комлемъ?

---

67. Горшекъ. 68. Дверь. 69. Комаръ. 70. Снопы и овинъ. 71. Палка. 72. Піявка. 73. Пуговица. 74. Огонь. 75. Рѣдька. 76. Снѣгъ и вода. 77. Ледяная сосулька.

IV. ПѢСНИ.

1.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова,
Добрый молодецъ самъ коня поилъ.
Красна дѣвица воду черпала,
Почерпнувъ воды, поставила;
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого есть отецъ съ матерью,

Отецъ съ матерью, и братъ, и сестра,
И братъ и сестра, и родъ и племя!
У меня ль у красной дѣвицы
Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду племени...

2.

Калинку съ малиною вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись съ разумомъ, за мужъ отдала.
Замужъ отдала за неровнюшку,
За неровнюшку въ чужу сторону,
Въ чужу сторонушку — во лихую семью.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью безъ дѣла бранятъ;
Посылаютъ меня молоду въ полночь по воду;
Зябнутъ, зябнутъ ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки къ коромыслицу;
Текутъ, текутъ слезоньки по бѣлу лицу,
Утираю слезоньки бѣлымъ платкомъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три года,
На четвертомъ годикѣ — пташкой полечу,
Горькою я пташечкой — кукушечкою,
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,

На любиму яблоньку — на матушкину;
Горькими слезами весь садъ потоплю,
Тяжелыми вздохами весь садъ посушу,
Закукую въ садикѣ жалобнехонько,
Горькими причетами я мать разбужу:—
Матушка по горенкѣ похаживаетъ,
Невѣстушекъ, ласточекъ побуживаетъ:
„Вставайте, невѣстушки, голубки мои!
Что это за чудо у васъ случилось?
Что у насъ зеленый садъ безъ вѣтру посохъ,
Безъ дождя, безъ сильнаго, садикъ потонулъ
Что у насъ въ садикѣ за пташечка поетъ,
Жалобной пѣсенкой сердечушко рветъ?“
Большая невѣстушка возговорила:
„Что это за пташечка—пойдемъ поглядимъ!“
Середня невѣстушка: „пойдемъ изловимъ!“
Меньшая невѣстушка возговорила:
„Пташечка кукушечка—это наша сестра,
„Прилетѣла горькая съ чужой стороны,
„Съ чужой сторонушки, изъ лихой семьи!“
—Или ты безумная! дочка моя—
Бѣлая, румяная, всегда весела...
А эта, невѣстушка, худа и блѣдна.
—„Оттого худа-блѣдна: въ чужой сторонѣ,
На чужой сторонушкѣ плохое житье.“

3

Что-й-то мнѣ, матушка,
Мало спалось,
Мало спалось,
Много во снѣ видѣлось:
Будто меня конь разносилъ,
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ;
Шапочка свалилась
Съ буйной головы;
Лучекъ оборвался
Съ правой стороны;
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ.—
—„Дѣтушка милая!
Сонъ разскажу:
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ:
То тебѣ, дитятко,
На службѣ быть;
Шапочка свалилась
Съ буйной головы,
То тебѣ дитятко,
Убитому быть;

Лучекъ оборвался
Съ правой стороны:
То твоей жонушкѣ
Вдовушкой быть;
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ:
То твоимъ дѣтушкамъ
Сиротками быть“.

4.

Ахъ, вы горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Породили вы бѣлъ-горючь камень,
А на камушкѣ ростетъ частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кустикомъ лежалъ убитъ добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ кудри черные;
Изъ реберъ его проросла трава,
Ясны очи пескомъ засыпались.
Что не ласточка не касаточка
Вкругъ тепла гнѣздышка увивается,
Увивается его матушка родимая.
Ахъ! какъ я тебѣ, сынъ, говаривала:

Не водись, мой сынъ, съ бурлаками,
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина,
Потерять тебѣ буйну голову.

V. РУССКІЕ ГОРОДА.

Хорошъ городъ Питеръ, да бока вытеръ (т. е. дорогъ).

Москва создана вѣками, Питеръ милліонами.

Славна Москва калачами, а Петебургъ усачами.

Въ Москвѣ каждый день праздникъ (по множеству церквей).

Первые города отъ Москвы два девяноста верстъ: Владиміръ, Тверь, Тула, Калуга, ~~Казань~~ Рязань

Владимірцы: наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ.

Во Владимірѣ и лапшу топоромъ крошатъ (обычай этотъ держится только въ вольныхъ [казенныхъ] деревняхъ).

Шуя. Шуйскій плутъ хоть кого впряжетъ въ хомутъ; въ Питерѣ бывалъ, на полу сыпалъ, и то не упалъ.

Шуяне бѣса въ солдаты отдали.

Ковровцы — офени, коробейщики.

У насъ-ти въ Ростовѣ чесноку-ти, луку-ти, а навозъ-ти все коневій.

Сказываютъ: въ вашемъ ростовскомъ государствѣ ростовское озеро сгорѣло.

Нижній сосѣдъ Москвѣ ближній.

Худъ Пермякъ, да два языка зна'тъ.

Хлыновцы (Вятка) корову въ сапоги обули (краденую, чтобъ слѣду не было).

Мы вятчски, ребята хватчки: семеро одного не боимси.

Пропили воеводы Вологду.

Архангельцы - моржеѣды.

Отъ Холмогоръ до Колы — тридцать три Николы.

Во всей Онегѣ нѣтъ телеги.

Ветлуга. Санникъ да телѣжникъ, а выѣхать не начемъ.

Пешехонцы на сосну лазили Москву глядѣть.

Тула. Присядь, бачка, чижи летятъ. (Туляки птицеловы).

Молодечъ, а молодечъ! продай на грошъ постныхъ яечъ (яицъ).

Рязанцы: мѣшкомъ солнышко ловили.

Спасцы (Рязанской губ.): откуда ты, молодечъ? —

Спасскій купечъ. — Чѣмъ торгуешь? — краснымъ товаромъ: сальными свѣчами да чистымъ дегтемъ.

Пензяки: въ Москвѣ свою корову узнали.

Въ Астрахани — и коровы рыбу ѣдятъ (солёную).

Смоляне: за мезгой *) въ городъ ѣздилъ, въ красные ряды ходилъ.

Вязьма въ пряникахъ увязла.

У насъ въ Ельцѣ, на рѣкѣ Соснѣ, курица втенка (утенка) вывела!...

Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава; а въ грязи, какъ жаба.

Кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ пыли не видалъ.

Вышелъ изъ полону, да поселился на Дону.

Донцы — осетерники, балычники, станичники.

На Дону ни ткутъ, ни прядутъ, а хорошо ходятъ.

Волгой плыть долго, а Дунай широко.

Страшна Сибирь слухомъ, а люди лучше нашего живутъ.

---

*) Мезга—сосновая оболонь, которую мѣшаютъ въ хлѣбъ.

VI. БЫЛИНЫ.

---

1. Волга Святославгичъ.

Возсіяло солнце красное
На этомъ на небушкѣ на ясноемъ,
Зарождался молодой Вольга̀,
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Уходили всѣ птицы въ синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри въ темные лѣса.
Сталъ Вольга̀ рости-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку храбрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга̀ въ тридцаты ихъ.

Молодой Вольга́ Святославговичъ
Со своею дружинушкой храброю
Поѣхалъ въ раздолье во чисто поле.
Онъ услышалъ въ чистомъ поле ратая *):
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ.
Ѣхалъ Вольга́ до ратая.
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой храброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга́ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ.
Ѣхалъ Вольга́ еще третій день,
Третій день съ утра до па́бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ на ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ,
Коренья, каменья вывертываетъ.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга́ таковы слова:
„Божья тѣ помочь, оратаюшко!

*) Ратай — пахарь.

„Орать да пахать да крестьянствовати,
„Съ края въ край бороздки пометывати,
„Коренья, каменья вывертывати.“
Говорилъ оратай таковы слова:
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой храброю?'—
„Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою.“
Говорилъ оратай таковы слова:
Ай же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьево-дни,
На своей кобылкѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха по сороку пудовъ.
И живутъ-то мужики все разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
А былъ я съ шалыгой *) подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
„Ай же, оратай, оратаюшко,
„Поѣдемъ со мною во товарищахъ!“
Этотъ оратай — оратаюшко

---

*) Кистень.

Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
„Ай же, Вольга̀ Святославговичъ!
„Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
„И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
„А гля-ради мужика деревенщины:
„Какъ бы сошку изъ земельки повыдернуть,
„И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?“
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ онъ изъ дружинушки храбрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку изъ земельки повыдернули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эти пять молодцевъ могучіихъ
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга́ Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,

Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку храбрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошки съ земельки повыдернулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
    Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-та грудью пошла,
Сталъ Вольга́ тутъ покрикивати,
Калпакомъ Вольга̀ сталъ помахивати:
„Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Эта кобылка—конькомъ бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы дали“.
Говорилъ оратай таковы слова:
„Глупый Вольга̀ Святославговичъ!
Взялъ я кобылку отъ матушки,
Заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.“

Говорилъ Вольга̀ Святославговичъ:
„Ай же ты, ратай-ратаюшко?
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ-то величаютъ по отечеству?“
Говорилъ оратай таковы слова:
„Ай же, Вольга̀ Святославговичъ!
А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу.
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою.
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

2. Илья Муромецъ.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицарскіяхъ,
Стояла застава богатырская;
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алеша поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ!

Гришка боярскій въ тѣ поры кравчимъ *) жилъ;
Алеша поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ во бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть великую.
Учалъ онъ ископоть досматривать:
„Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ этой земли изъ Жидовскія
Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь
На эти степи Цицарскія!"
Пріѣхалъ Добрыня въ стольной Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братью приборную:
„Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
„Мы что на заставушкѣ устояли?
„Что на заставушкѣ углядѣли?
„Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ."
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?

---

*) Кравчій завѣдывалъ напитками, подававшимися къ столу.

Положили на Ваську Долгополаго.
Говорит̀ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили;
„У Васьки полы долгія:
„По землѣ ходитъ Васька заплетается;
„На бою—на дракѣ заплетается;
„Погинетъ Васька по напрасному“.
Положились на Гришку на боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ
Свѣтъ атаманъ Сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, удумали,
„Гришка рода боярскаго:
„Боярскіе роды хвастливые;
„На бою-дракѣ призахвастается,
„Погинетъ Гришка по напрасному“.
Положилисъ на Алешу на Поповича:
Алешѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говэритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
„Не ладно, ребятушки, положили:
„Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ

„Много злата, много серебра,
„Злату Алеша позавидуетъ,
„Погинетъ Алеша по напрасному.“
Положили на Добрыню Никитича!
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По плечь отсѣчь буйну голову,
Привезьти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Идетъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торокà вяжетъ палицу боевую,
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Ѣдетъ на гору Сарочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ нà полѣ чернизину (черное пятно),
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Кричалъ зычнымъ голосомъ:
„Воръ собака, нахвальщина!
„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
„Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?

„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
„На всю братію наборную?“ —
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича:
Сыра мать земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣни палъ.
Кое-какъ Добрынинъ конь поисправился,
Ѣхалъ онъ на заставу богатырскую.
Говоритъ Илья Муромецъ:
„Больше не кѣмъ замѣнитися,
„Видно ѣхать атаману самому!“
Идетъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока̀ вяжетъ палицу боевую,
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Ѣдетъ на гору Сарочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Вскричалъ зычнымъ-громкимъ голосомъ:
„Воръ, собака, нахвальщина!

„Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
„Мнѣ атаману, Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
„Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
„Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
„На всю нашу братію наборную?“
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ;
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Съѣзжался Илья съ нахвальщикомъ.
Впервые палками ударились —
У палокъ цевья отломилися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились —
Востры сабли проломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись —
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи.
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою—
Поскользитъ у Илейки ножка лѣвая:
Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина бѣлы груди,
Вынималъ чинжалище булатное

Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
„Старый ты старикъ, старый, матерой,
За чѣмъ ты ѣздишь во чисто поле?
Будто не кѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При томъ пути, при дороженькѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
Тутъ бы ты, старикъ, сытъ-напоенъ былъ.“
Лежитъ Илья подъ богатыремъ.
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщику въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго;
Палъ нахвальщина на сыру землю.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Не досугъ Ильюхѣ много спрашивать—
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца
Со всей братьей приборною.

Илья бросилъ голову о сыру землю,
При всей братьѣ похваляется:
„Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наѣзживалъ“.

3. Соловей Будимировичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ-за моря, моря синяго
Изъ глухоморья зеленаго
Отъ того-де царя, вѣдь, заморскаго
Выбѣгали, вытребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — одинъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камню, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибавлено
По черному соболю сибирскому;

Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія;
И два горностая повѣшены,
Два горностая, два зимніе;
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
Два медвѣдя бѣлые заморскіе;
Носъ корма по туриному *),
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву
Къ ласковому князю Владиміру.
На томъ соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ;
На чердакѣ бѣла бесѣдка—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ купавъ-молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ;
Говорилъ Соловей таково слово:
„Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!

---

*) Туръ—животное, живущее теперь только въ Гродненской губ. и на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ.

Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?“
Отвѣчаютъ гости корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
“Ты славный богатый гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка—узоръ хитеръ;
На златѣ на серебрѣ не погнѣваться„.
Прибѣжали корабли подъ славный градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросили на крутъ бережокъ.
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Пошелъ онъ къ ласкову князю Владиміру,
Идетъ въ гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую,
Не дорога камочка—узоръ хитеръ;
На златѣ и серебрѣ не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой еси ты богатый гость,
Соловей сынъ Будиміровичъ!
Заимуй дворы княженецкіе,
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй и дворянскіе".
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
„Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
И не надо дворы боярскіе,
И не надо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей, сударь, княженецкой племянницы,
У молодой Запавы Путятишной,
Въ ея, государь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Построить мнѣ Соловью снаряденъ дворъ".
Говорилъ, сударь, ласковой Владиміръ князь:
„На то тебѣ съ княгинею подумаю!"
А подумавши отдавалъ Соловью загонъ земли

Непаханыя и неораныя.
Шелъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей сынъ Будимiровичъ:
„Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ во зеленый садъ,
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.“
Съ вечера позднымъ поздно
Работала его дружина храбрая —
Къ полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ зоря, въ теремѣ зоря,
И вся красота поднебесная. —
Рано зазвонили къ заутрени,
Ото сна Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой во хорошiй зеленый садъ:
Чудо Запавѣ показалося —

Въ ея хорошемъ, въ зеленомъ саду
Стоятъ три терема златоверховаты.
Скоро Запава наряжается,
Надѣла шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей;
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ,
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Потихоньку говорятъ, все молитву творятъ —
Молится Соловьева матушка.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворила двери на пяту —
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися:
Чудо въ теремѣ показалося —
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ зоря, въ теремѣ зоря,

И вся красота поднебесная.
Подломились ея ноженьки рѣзвыя;
Въ ту пору Соловей, онъ догадливъ былъ,
Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватилъ дѣвицу за бѣлы руки.
„Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возврастѣ.“
— А я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься! —
Тутъ они и помолвили.
Провѣдала его Соловьева матушка,
Свадьбу кончити назначила:
“Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де тамъ расторгуешься,
Тогда и на Запавѣ женишься.„
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.

Въ ту пору поѣхалъ и Шапъ Давидъ Поповъ—
Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ;
Приходитъ къ ласкову князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое,
Да крашенину *) печатную.
Въ ту пору князь сталъ спрашивати:
„Гой еси ты, Шапъ Давидъ Поповъ!
Гдѣ ты слыхалъ, гдѣ видывалъ

*) Крашенина — толстый холстъ, окрашенный какой-нибудь краскою.

Про гостя богатаго, про молода
Соловья, сына Будимiровича?“
Отвѣчалъ ему Шапъ Давидъ Поповъ:
„Я-де объ немъ слышалъ
Да и самъ подлинно видѣлъ
У того царя заморскаго;
Соловей у царя въ протаможье попалъ
И за то посаженъ въ тюрьму,
А корабли его отобраны.“
Тутъ ласковой Владимiръ князь закручинился;
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за Шапа Давида Попова.
Тысяцкой -- ласковой Владимiръ князь;
Сваха была княгиня Апраксѣевна,
Въ поѣзду князи и бояре,
Поѣзжали въ церкви Божiи.
Въ ту пору жь въ Кiевъ флотъ пришелъ
Богатаго гостя, молода Соловья,
Сына Будимiровича.
Якори бросали во быстрой Днѣпръ,
Сходни метали на крутъ бережокъ;
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ сокола корабля со каликами *):

---

*) Калика (калѣка) — нищiй, просящiй милостыню пѣнiемъ различныхъ псалмовъ и духовныхъ пѣсенъ.

Пошли они на княженецкой дворъ
И стали во единый кругъ.
Въ ту пору слѣдовалъ со свадьбою
Владимiръ князь въ домъ свой;
И пошли во гридни свѣтлые,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ съ каликою.
Тогда ласковый Владимiръ князь
Велѣлъ подносить вина имъ заморскiя
И меда сладкiе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья узнывали,
Проводили его ко княженецкому столу.
Сперва говорила Запава Путятишна:
„Гой еси мой, сударь, дядюшка,
Ласковой, сударь, Владимiръ князь!
Тотъ-то мой прежнiй обрученный женихъ
Молодой Соловей, сынъ Будимiровичъ!“
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ;
Пошла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя.
Въ ту пору ласковой Владимiръ князь
Веселъ сталъ, а княгиня наипаче того;
Поднимали пирушку великую.

4. Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ большой.
На стулѣ золотомъ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Суды разсуживаетъ,
Ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По тѣмъ татарскимъ головамъ.
Шурьевъ царь дарилъ
Городами стольными:
Василью-то Плесъ,
Гордею Вологду,
Ахрамею Кострому;
Одного не жаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то не пожаловалъ:
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую.
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани — невыходы,
Царскіе невыплаты:

Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитяти нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани — невыходы,
Царскіе невыплаты.
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублей,
Сѣдло въ тысячу,
Узду — цѣны ей нѣтъ:
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота;
Она тѣмъ узда дорога—
Царское жалованье;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,
Ни друга подарить.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
„Гой еси царь Азвякъ!

Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ:
Василью-то Плесъ,
Гордѣю—Вологду,
Ахрамею—Кострому;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою.“
Проговоритъ царь Азвякъ:
„Гой еси шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколи-т-ка ты сына своего,
Сына любимаго;
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
Тогда я тебя пожалую
Тверью старою
Тверью богатою!“
Въ ту пору младъ Щелканъ
Своего сына закололь,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія.
И въ ту пору царь Азвякъ
За то его пожаловалъ

Тверью старою,
Тверью богатою.
Въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую:
Вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то посадскіе,
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками,
И понесли они честные подарки
Злата и серебра и скатнаго жемчугу
Щелкану Дудентьевичу.
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ:
Младъ Щелканъ
Зачванился, загордынился—
И они съ нимъ раздорили—
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги
И тутъ его разорвали.
Тутъ ему смерть случилася,
Ни на комъ не сыскалася.

5. Татарскій полонъ.

Какъ за рѣкою,
Да за великою
Злы татарове
Дуванъ дуванили (добычу дѣлили).
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вотъ повезъ тещу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
„Тѣ работница;
„Съ Руси русская
„Полоняночка.
„Ты заставь ее
„Три дѣла дѣлати:
„Перво дѣло —
„Куделю прясть,
„Другое дѣло —
„Лебедей стеречь,
„А третье дѣло —
„Дитю качать!“

Полоняночка
Съ Руси русская,
Она глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышетъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты, баю, баю,
„Боярской сынъ!
„Ты по батюшкѣ
„Золъ татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученочекъ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полонъ взята:
„У ней на правой груди
„Есть родинка,

„На лѣвой ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя —
„Такъ грѣхъ будетъ;
„Мнѣ дитей назватъ—
„Мнѣ вѣра не та!“
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ:
„Государыня
„Наша барыня!
„Полоняночка
„Съ Руси русская
„Она глазками
„Лебедей стережетъ,
„А ручками
„Кудель прядетъ,
„А ножками
„Колыбель колышетъ.
„Охъ, качаетъ дитя,
„Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшкѣ
„Золъ татарченокъ,

„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученочекъ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полонъ взята:
„На правой груди
„У ней родинка,
„На лѣвой ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя —
„Такъ грѣхъ будетъ;
„Мнѣ дитей назвать,
„Мнѣ вѣра не та!“
Что стучитъ, гремитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
И дрожа дрожитъ,
Дочка къ матери!
Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня

„Моя матушка!
„Не спознала тебя
„Моя родная!
„Ты бери ключи,
„Ключи золоты.
„Отпирай ларцы,
„Ларцы кованы,
„Ты бери казны
„Сколько надобно;
„Ты бери коня
„Что ни лучшаго.
„Ты бѣги, мать,
„На родную Русь!“
Не поѣду я
На родную Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

6. Свадьба Грознаго.

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядючись-смотрючись со черныхъ кораблей
На тѣ на круты бережки.
Пріутихли-пріуныли круты красны бережки,
Глядючись-смотрючись со черныхъ кораблей,
На тѣ на горы высокія,

На тѣ на поля зеленыя.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица молодая
Анастасія Романовна:
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ до двухъ царевичей.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
„Когда будутъ дѣвицы въ твердомъ умѣ,
„Въ полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
„Ты тогда отдавай дѣвицъ замужъ.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ
„И до своего ты до крестнаго батюшки,
„До того Богдана Сирскаго:
„Тутъ твоя дума крѣпкая!
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко:

„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
„Тутъ твоя сила вѣрная!
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До всего народу православнаго.
„Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
„Что я тебѣ царица принакажу,
„Принакажу и повыскажу:
„Когда я, царица, преставлюся,
„Не женись ты, царь, въ дальней Литвѣ,
„На той ли на Марьѣ Темрюковнѣ,
„А женись ты, царь, въ каменной Москвѣ.“
И тутъ царица преставилась,
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца;
Захотѣлъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Женитися на той на Марьѣ на Темрюковнѣ;
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки,
Того ли Богдана Сирскаго,
Пріѣзжалъ онъ скоро въ дальнюю Литву,
Бралъ онъ Марью Темрюковну
Со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ;
Отправлялся онъ изъ дальней Литвы.

Не дошелъ до матушки каменной Москвы,
За сто верстъ становилъ онъ свою силу армію,
Сходилъ онъ скоро со добра коня,
Бралъ онъ чернильницу вольянскую,
Бралъ перо лебединое,
Бралъ бумагу—гербовой листъ,
Посылаетъ онъ листъ
Своему дядюшкѣ любезному,
Крестному батюшкѣ Богдану Сирскому:
„Дядюшка Богданъ ты мой Сирской!
„Встрѣть ты меня съ честью и радостью,
„Съ тѣмъ пѣтьемъ Божіимъ церковнымъ,
„Со тѣмъ со звономъ колокольнымъ,
„Со той пальбой пушечной!“
Отправлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ.
Привалилъ съ своей силой-арміей
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Привалилъ въ каменну Москву.
Не встрѣтилъ его любезный дядюшка,
Тотъ Богданъ Сирскій,
Ни съ пѣтьемъ церковнымъ,
Ни съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Въ ту церковь Божію,

Принималъ златы вѣнцы
Съ той Марьей Темрюковной.
    На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ,
На всѣхъ на князей, на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу,
И къ западу идетъ къ закату,
А почестенъ пиръ на весело,
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой,
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
"Ай ты мой зятюшко любезный,
"Грозенъ ты царь, Иванъ Васильевичъ!
"Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
"Борцы-молодцы пріученые,
"Какъ бы мнѣ съ ними поборотися?„
Требовалъ сударь грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Борцовъ-молодцовъ не случилося,
Только случился Васька хромоногенькой,
На лѣву ножку онъ припадываетъ,
По двору прихрамываетъ,
Ко двору государеву придвигается
И входитъ въ палаты царскія.
Говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ

Своему зятю любезному:
"Чертъ у васъ, не борцы-молодцы,
И не прiученые!„
Говоритъ Васькѣ грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
"Еслибъ ты Кострюка поборолъ,
"Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья!„
На лѣву ножку Вася припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ,
Металъ Кострюка о кирпичный полъ:
На животѣ кожа треснула,
На хребтѣ его кожа лоппула...

7. Французъ съ армiей валитъ.

Заводилась война
Среди бѣлаго дня.
Только дымъ столбомъ валитъ:
Каково есть красно солнце,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ,
Мимо казаковъ проскакивалъ,

Два словечка проговаривалъ:
„Казаки, вы казаки!
„Военные мои,
„Удалые молодцы!
„Безъ размѣрушки пейте
„Зеленаго вина,
„Посмѣлѣе подступайте
„Со Французомъ воевать!“
— Ужь мы рады воевать,
Слезны капли проливать! —
Не пыль во полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ,
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
„Еще много генераловъ —
„Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
„Всея матушку Россеюшку
„Въ полонъ себѣ возьму,
„Въ каменну Москву зайду!“
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
„Не бывать тебѣ, злодѣю,
„Въ нашей каменной Москвѣ;
„Не видать тебѣ, злодѣю,

„Бѣлокаменныхъ церквей;
„Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
„Золотыхъ нашихъ крестовъ!“
На лужку было лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лопуховъ ѣздилъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Отчего не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца-пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.
Ужь мы билися, рубилися
Четырнадцать часовъ.
На пятьнадцатомъ часу
Стали силу разбивать
И полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Генераловъ до осьми,
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которы на горѣ,
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ (крови);
Которы подъ горой
Тѣхъ засыпало землей....

ОТДѢЛЪ II.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

1. Забытая деревня.

1.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди — не будетъ!
„Вотъ пріѣдетъ баринъ — баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка
И велитъ дать лѣсу“ — думаетъ старушка.

2.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ маноромъ —
„Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!“

Думаютъ крестьяне: „скажетъ баринъ слово —
И землицу нашу отдадутъ намъ снова.“

3.

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. „Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ“ — говоритъ Наташа.
Малые, большіе — дѣло чуть за споромъ —
„Вотъ пріѣдетъ баринъ!“ — повторяютъ хоромъ.

4.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда плута урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужь не бредитъ,
Барина все нѣту... Баринъ все не ѣдетъ.

5.

Наконецъ однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ, а за гробомъ новый;
Стараго отпѣли; новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету — и уѣхалъ въ Питеръ.

Некрасовъ.

2. Деревенскія новости.

Что у васъ новаго, братцы?
— „Умеръ третьеводни Власъ
„И отказалъ тебѣ святцы.“
— Царство небесное! Что
Было ему ужь до сотни?
— „Было и съ хвостикомъ сто.“
— Какъ урожай? — „Ничего.
„Горе другое: покрали
„Много лѣску твоего.
„Мы становаго ужъ звали.
— „Станъ мой великъ, говоритъ,
„Съ хвостикомъ двадцать пять тысячъ,
„Гдѣ тутъ судить, говоритъ....
„Съ тѣмъ и уѣхалъ домой,
„Такъ, ничего не подѣлавъ:
— „Нуженъ-ста тутъ межевой
— „Да епутатъ отъ удѣловъ!
— „Въ Ботовѣ валится скотъ,
„А у солдатки Аксиньи
„Дѣвочку — было ей съ годъ —
„Съѣли проклятыя свиньи;
. . . . Пастуха
„Громомъ въ стадѣ убило.
„Ну ужь и буря была!

„Какъ еще мы уцѣлѣли!
„Колокола-то, колокола —
„Словно о Пасхѣ гудѣли!
„Наши рѣченки водой
„Налило на три аршина;
„Съ поля бѣжала домой
„Словно шальная скотина;
„Съ ногъ ее вѣтеръ валилъ.
„Крѣпко намъ жаль мальчугана;
„Этакой клопъ, а отбилъ
„Этто у волка барана:
„Стали Волчкомъ его звать —
„Любо! Встаетъ съ пѣтухами,
„Пѣсни начнетъ распѣвать,
„Весь уберется цвѣтами,
„Ходитъ проворный такой.
„Матка его проводила:
„— Поберегися, родной!
„Слышишь, какая завыла!
„— Буря-ста мнѣ ни почемъ,
„Я, говоритъ, не ребенокъ!“
„Да размахнулся кнутомъ
„И повалился съ ноженокъ!
„Мы посмѣялись тогда,
„Такъ до полденъ позѣвали,
„Слышимъ — случилась бѣда:

„Шли бы: убитаго взяли!
„И уцѣлѣлъ бы, да вишь
„Крикнулъ дуракъ ему Ванька:
„— Что ты подъ древомъ сидишь?
„Хуже подъ древомъ-то... Встань-ка! —
„Онъ не перечилъ — пошелъ,
„Сѣлъ подъ рогожей на кочку,
„Ну, а Господь и навелъ
„Громъ въ эту самую точку!
„Взяли — не въ полѣ бросать,
„Да какъ рогожку открыли,
„Такъ не одна его мать—
„Всѣ наши бабы завыли:
„Угомонился Волчокъ —
„Спитъ себѣ. Кровь на рубашкѣ,
„Въ лѣвой рученкѣ рожекъ,
„А на шляпенкѣ вѣнокъ
„Изъ васильковъ да изъ кашки!
„— Этой же бурей сожгло
„Красныя Горки; пониже,
„Помнишь, Починки село —
„Ну и его... Вотъ поди же!
„Въ Горкахъ пожаръ ужъ притихъ,
„Ждали: Починокъ не тронетъ!
„Смотрятъ, а вѣтеръ на нихъ,
„Пламя и гонитъ, и гонитъ!...“

Некрасовъ.

II. РАЗСКАЗЫ.

1. Ночь подъ свѣтлый день.

По заведенному изстари обычаю, во всѣхъ селахъ ночь подъ свѣтлый день проходитъ безъ сна, въ сборахъ къ празднику. Съ вечера въ каждомъ домѣ затапливаются печи и вплоть до заутрени идетъ стряпня. Такъ какъ заутреня начинается очень рано, то съ вечера же народъ одѣвается въ праздничное платье. Всякій мужикъ долгомъ считаетъ обуть, хотя старые, но во всякомъ случаѣ вымазанные дегтемъ сапоги; бабы надѣваютъ расписныя понявы; парни красныя рубахи. Старушки принаряжаются для свѣтлаго Христова Воскресенья въ темные растегаи, купленные на ярморкѣ, въ

новые лапотки и снѣжной бѣлизны платочки, предназначенные самими же старушками препроводить ихъ на тотъ свѣтъ.

Съ закатомъ солнца окрестныя деревни и слободы пустѣютъ. Народъ съ куличами, пасхами отправляется на ночь въ приходское село. Въ церкви до благовѣста обыкновенно читаютъ житія святыхъ и чудеса разныя; туда стекаются богомольные и желающіе провести время въ благочестивыхъ размышленіяхъ. Большая часть людей идетъ въ дома своихъ знакомыхъ.

Часовъ въ восемь вечера сельская улица наполнена народомъ. Во всѣхъ окнахъ свѣтятся огни. Около слободъ поповской и дворовой толпятся мужики, дворники, прикащики, лакеи. Гдѣ просятся ночевать, поздравляютъ съ праздникомъ, распрашиваютъ о здоровьи и проч.

— „Наше почтенье Савелію Игнатьичу. Съ наступающимъ праздникомъ честь имѣю поздравить.“

— Многолѣтняго здравія, Петръ Акимычъ, Лукерья Филиповна!... Авдотья Герасимовна!... Что? и вы къ заутрени жалуете?

— „Да-съ; и мы...“

— Дѣло... Вотъ и я съ супругой тоже. Нельзя. Вся причина праздникъ обширный... смѣшно будетъ не идти.

— „Не знаете ли, Савелій Игнатьичъ, гдѣ бы мнѣ переночевать съ семействомъ?“

— Право слово, не знаю. Мы съ супругой у отца дьякона. Да вы попробуйте, спросите вонъ въ кабакѣ: теперь тамъ просторно...

— „Какъ можно...“

— Ей-Богу! Да чтожь вы думаете? да мы съ супругой, я вамъ скажу, разъ въ конюшнѣ ночевали...

— Да, гдѣ ты, Настя? кричитъ какая-то женщина.

— „Я? Вотъ...“

— Иди скорѣй. Пойдемъ. Или ты не видишь, повсюду лакеи шляются. Какъ же можно одной?

— „Онъ, маменька, ничего...“

— Кто?

— „Лакей... барской. Онъ только говоритъ: Христосъ воскресе!“

— А ты?

— „А я говорю: воистинну...“

— Ну и дура за это... вотъ тебѣ сказъ!

— Здравствуйте, Наумъ Ѳедотычъ. Куда это вы такъ торопитесь?

— „Здравствуйте, сударыня“.

— Какъ поживаете? —

— „Да что, матушка, забылъ дома яйца“.

— А-а-а!

— „Сейчасъ помереть...“

Въ дьячковскомъ домѣ при свѣтѣ ночниковъ хозяйка съ засученными рукавами переваливаетъ съ боку на бокъ на столѣ тѣсто. Ея крошечный сынишка, весь въ мукѣ, стоитъ на полу и смотритъ на нее, что-то ожидая.

— Рано, голубчикъ, говоритъ дьячиха. Ни свѣтъ, ни заря... Богъ ушко отрѣжетъ...

Мальчикъ кладетъ въ ротъ палецъ.

Дьячку, сидящему за церковной книгой и тихонько напѣвающему: „тебе на водахъ“, дочь заплетаетъ косу.

Въ кухнѣ священника напротивъ пылающей печи молодой работникъ съ молодой работницей изо всей мочи щиплютъ куръ и поросятъ, такъ что животныя даже по смерти своей издаютъ пискъ.

— Пойдешь къ заутрени? спрашиваетъ работникъ, обдирая ухо на поросенкѣ.

— „Неколи... я бы пошла.“

— Такъ къ обѣдни приходи... Яйцо тебѣ дамъ...

— „Приду къ обѣдни.“

Земскій примѣриваетъ только что принесенный сертукъ. Портной осаживаетъ полы, самодовольно встряхиваетъ головой и говоритъ:

— Графу не стыдно надѣть... Какова работа!

Земскій ухмыляется. Онъ хочетъ показаться женѣ.

Земчиха въ другой комнатѣ снаряжаетъ бабу въ анбаръ. Она говоритъ ей, доставая изъ-подъ платья ключъ:

— Сходи ты, любезная...

— „Варя — перебиваетъ земскій — погляди-ко: хорошо?“

— Пошелъ ты отсюда! затѣйникъ...

Земскій идетъ назадъ обезкураженный.

Въ конторѣ идетъ спѣвка. Лакей съ тростью въ рукѣ стоитъ передъ толпою крестьянскихъ ребятишекъ и задаетъ имъ тонъ, дѣлая своимъ голосомъ раскаты:

— Го-го-го-тр-р-р-тон-тон... Начинай! ну?

Ребятишки разѣваютъ рты. Лакей взмахиваетъ тростью, пѣвчіе отъ страху жмурятъ глаза.

— Трогай! ну, что же вы? начинай!

Мальчишки пыхтятъ.

— Качай! я опять дамъ тонъ; го-го-го-тр-р.... нѣтъ, погоди! лучше пойти хворостину принести....

Въ небольшой чистой горенкѣ, устланной свѣжей соломой, стоитъ передъ образами хорошенькая вдова. Передъ образами висятъ голубки, разноцвѣтныя лампады. Вдова вздыхаетъ. У ней слезы на глазахъ.

— Можно ночевать? раздается подъ окномъ голосъ.

— „Кто это?“

— Я, я, Танюша....

Входитъ краснощекій парень, сапоги новые, шляпа новая съ пряжками и зелеными перьями....

Горница прикащика блистаетъ огнями. Красный отъ бани прикащикъ пьетъ чай. Въ передней чистятъ сапоги. Хозяйка передъ зеркаломъ убираетъ голову.

— „Филимошка!“ возглашаетъ прикащикъ.

— Чего?

— „Къ заутрени не ходи.“

Чистка сапоговъ прекращается. Входитъ работница доноситъ:

— Кучеръ Феногенъ приказалъ спросить, можно ли ему идти?

— „А лошади съ кѣмъ останутся?“

— Мужикъ Лаврентій васъ спрашиваетъ.

Входитъ мужикъ.

— „Что?“

— Заступитесь.

— „Вѣдь я тебѣ сказалъ.... Дурачье вы!“

— Петръ Прохорычъ, ради свѣтлаго христова воскресенія...

— „Пошелъ вонъ!... Чтобъ я видѣлъ....“

— Петръ Прохорычъ, помилосердуйте! у меня дѣти...

— „Эй, гоните его!... живо! эй!“

Мужика выгоняютъ.

— „Онъ васъ обругалъ!“ — раздается доносъ.

Прикащикъ стоитъ, какъ врытый. Онъ вдругъ накидываетъ на себя шинель, захватываетъ что-то въ углу

и бѣжитъ изъ дому. Ему вслѣдъ мигнулъ Филимошка, державшій сапогъ въ рукѣ.

— „Не слыхала, Прасковья Ѳедоровна, новость?“— говорятъ на улицѣ старухи.

— Какую?

— „Будто нонѣ послѣ заутрени начнется свѣтопреставленье....“

— Неужели?

— „Да, матушка.“

— Это вѣрно-съ — подхватываетъ мѣщанинъ, взявшійся откуда-то. Потому опослѣ заутрени подымется самая трагедь....

— „Да вѣдь что, родная? сказываютъ, сейчасъ бѣсы пробѣжали у скотнаго двора... какое стадо!“

— А что, курочки-то у тебя хорошо несутся?

— „Плохо....“

Скоро десять часовъ; говоръ на улицѣ утихаетъ.

Домъ священника биткомъ набитъ народомъ. Столы и лавки завалены узлами, пасхами, писаными яйцами. По стѣнамъ сидятъ дворовыя дѣвки, прикащики, лакеи и пр. Въ кухнѣ смежной съ горницей, въ разныхъ положеніяхъ на полу, на печи, на конникахъ лежатъ и сидятъ мужики; въ сарафанахъ и душегрѣйкахъ однодворческія дѣвки; бабы—въ кичкахъ. Многіе раздѣты—въ однихъ праздничныхъ рубахахъ; въ избѣ душно. Крѣпкій дегтярный запахъ наполняетъ и кухню и гор-

ницу. Въ горницѣ подъ лавками посажены на яйцы гусыни, которыя, говорятъ, не любятъ дегтярнаго запаха. Но онѣ сидятъ спокойно, и только тогда вскрикиваютъ, когда ихъ лучиной дразнитъ лакей, который хочетъ добиться того, чтобы гусыни пощипали за икры дворовыхъ дѣвокъ. Въ горницѣ пахнетъ еще пирогами, потому что цѣлое рѣшето пироговъ проноситъ попадья. Она на дорогѣ останавливается передъ сонной купчихой и спрашиваетъ:

— Вы не хотите ли вздремнуть, Аграфена Карповна?

— „Нѣтъ-съ.... я ужь дождусь заутрени.“ Купчиха почесываетъ у себя подъ мышками и закрываетъ глаза.

— А то возьмите подушечку?

Купчиха не отвѣчаетъ болѣе.

Одинъ изъ лакеевъ вздремнуть предлагаетъ дѣвкамъ. Дѣвки поднимаютъ его на смѣхъ. Онъ упирается затылкомъ въ стѣну. Другой рядомъ сидящій, вытянувъ ноги, поетъ про себя. Третій лакей шевелитъ лучиной подъ лавкой: начинается такой шумъ, хохотъ, крикъ гусынь, что изъ спальни выходитъ священникъ и проситъ кричать полегче. Ему говорятъ, что это гусыни взахались передъ заутреней.

Напротивъ дворни, въ углу, мѣщанинъ разсуждаетъ съ другимъ мѣщаниномъ о томъ, что надобно пить умѣючи; а̀ то опиться недолго, — и приводитъ много несчастныхъ примѣровъ. Его собесѣдникъ не безъ хвастовства говоритъ:

— Мнѣ, Иванъ Тихоновичъ, Господь Богъ далъ такой умъ, что я теперь съ ведра не захмѣляю.

— „А у насъ, господа, прошу послушать — началъ худощавый башмашникъ: одинъ лакей у своего барина (лакеи навострили уши) выпилъ бутыль и проглотилъ рюмку.

Лакеи вступаютъ съ башмашникомъ въ споръ. Священникъ снова выходитъ изъ спальни, чтобъ прекратить шумъ. Его просятъ быть посредникомъ и разобрать дѣло.

Въ кухнѣ разговоры не менѣе оживлены. На печи одинъ парень разсказываетъ сказку про Ивана царевича. Его слушаютъ много народу, облѣпивши печь кругомъ.

— Меньшаго, говоритъ парень, звали Иванъ царевичъ. Повадилась въ ихъ садъ летать жаръ-птица и клевать золотобрѣзъ-яблокъ.

На конникѣ, окруженная толпою бабъ, сидитъ въ бѣломъ платкѣ разутая дѣвушка Мариша, какъ сказываютъ, помѣшанная на любви къ барскому сыну. Ее спрашиваютъ, чѣмъ она кормится? Мариша, утираясь концами черной шали, отвѣчаетъ:

— „Гдѣ поиграю, попляшу... пѣть-то нечего: за мѣсто стиховъ... Купцы въ Ахрамовѣ надысь три копѣйки мнѣ дали.“

— Ну, а родные-то твои? постой... что ты толкаешь.

— Ты спроси про любовь...

— О, выдумала!... А родные-то твои желанны до тебя?

— „Снохи нароютъ картофелю и отъ меня прячутся... я сплю въ клѣти... (Молчаніе). Мнѣ помѣщица вуаль подарила; всѣ дѣвки на него смѣются.“

— Погоди, ты не умѣешь!... Дай-ко я спрошу... Вишь она вовсе глупа... А въ селѣ-то, Мариша, любятъ тебя?

— Да старостины ребята все колотятъ. Какъ праздникъ, такъ бѣги вонъ изъ деревни... пьяные бьютъ. Наши мужики шутки-то не примаютъ. Нѣшто гдѣ они что видѣли? Все какъ бы подраться. Я въ монашки пойду. Говорятъ, на мнѣ младенческая.“

— Посторонитесь, говоритъ поповская работница, держа плиту съ жареными поросятами.

Народъ разступается.

— Важно запахло!... замѣчаетъ съ печи мужикъ.

— „Да—а.... присовокупляетъ другой. Вѣдь подумаешь, братецъ ты мой, праздникъ-то; оттого-то онъ дорогъ, что ѣда прекрасная....“

Подъ иконами старуха говоритъ про смерть своего сына ратника.

— И тамъ народъ, и по ту сторону народъ, вездѣ народъ, видимо-невидимо. Я кричу ему: „и гдѣ жь нашъ-то соколикъ бѣлый?“ А онъ, косатка моя, руку вотъ

такъ и приложилъ къ ланитѣ. „Что жь умеръ что ли?" Онъ рукой вотъ такъ и махнулъ!

Въ дѣтской комнатѣ происходятъ уборы. Дочь священника, невѣста въ коротенькихъ юбкахъ, приготовляется надѣвать платье. Ей хотятъ помочь дворовыя дѣвки. Попадья снимаетъ съ себя повойникъ. Двое мальчиковъ семинаристовъ, одѣтыхъ въ новые казакины, выбираютъ изъ лукошка красныя яйца. Они пробуютъ ихъ объ зубы и говорятъ: „давай биться!" Семинаристы бьются и одно яйцо трещитъ.

Въ спальнѣ при свѣтѣ лампады въ полудремотѣ сидитъ прикащикъ съ узломъ; рядомъ священникъ; поодаль въ сторонѣ въ черномъ одѣяніи — монахиня. Монахиня прикащику разсказываетъ про чудо св. Макарія.

Мало по малу въ домѣ священника становится тихо. Лакеи угомонились; разговоры замолкли; народъ по большей части дремлетъ и спитъ. Пѣтухъ запѣлъ на дворѣ.

— Эй, вставай къ заутрени... благовѣстъ!... раздаются голоса.

Въ самомъ дѣлѣ къ заутрени заблаговѣстили. Будятъ сонныхъ; поднимается суетня. Съ полатей, съ печи слезаетъ народъ. Со стола разбираются куличи, повсюду говоръ. Шумятъ накрахмаленныя платья. Священникъ съ палкой выходитъ изъ спальни. Всѣ спѣшатъ за нимъ. Въ опустѣвшемъ домѣ никого не остается, кромѣ работниковъ.

Н. Успенскій.

2. Митюха.

Молодецъ былъ Митюха, нечего сказать, парень удалой, а горячъ какъ огонь: бѣда, какъ разсердишь! И диво бы силенъ былъ, такъ нѣтъ, а какъ расходится, десятерыхъ бывало уберетъ. Щеголь былъ. По праздникамъ, какъ новую рубаху надѣнетъ, цвѣтнымъ кушакомъ подпояшется, штаны за голенище заткнетъ, сапоги дегтемъ свѣжимъ вымажетъ — такъ, что за версту свѣтятся, шапку на бокъ скоситъ, идетъ, похваляется словно старостинъ сынъ. Глаза черные огневые, волосы русые въ кружокъ подстрижены, борода не большая, пушистая, просто одно слово молодецъ. Голосъ звонкой, такой ровный; какъ пѣсню затянетъ, всѣхъ покроетъ, а пѣсни пѣвать онъ былъ мастеръ. Слушаешь, слушаешь, какъ онъ словно рѣченька разливается, даже зависть возьметъ: „эко скажешь, Митюха, у тебя голосъ богатый!“ Ничего, Богъ не обидѣлъ, у тебя занимать не пойду — да припѣвъ какой нибудь подхватитъ тутъ же, ажъ тебя мурашки по кожѣ подерутъ. Плясать тоже былъ мастеръ, въ хороводѣ такія колѣна выгибалъ, что только плюнешь, да и отойдешь въ сторону. „Не сносить тебѣ, головы, Митюха“ — говорили старики, а онъ въ отвѣтъ гаркнетъ, свиснетъ да и затянетъ:

Мнѣ ли молодцу удалому
Зиму зимскую жить за печкою?

Ну, словомъ бѣда былъ парень да и только! Всѣ дѣвки наши льнули къ нему точно къ меду. На посидѣлкахъ, бывало, ждутъ не дождутся его, пѣсенъ не начинаютъ, смотрятъ: скоро ли Митюха будетъ? А онъ слабость ихную зналъ, подъ самый конецъ и придетъ, да и сидитъ бывало, словно ошпареный: тѣ и такъ и эдакъ, нѣтъ, не добьются отъ него ни слова! Только глазами моргаетъ. А другой разъ разгуляется, да такой трезвонъ задастъ, что хоть вонъ бѣги, дымъ коромысломъ въ избѣ подыметъ, и съ этой-то заговоритъ, и ту-то приголубитъ, ни одной въ покоѣ не оставитъ, такъ и тѣшится себѣ до утра. Грѣхъ сказать — и на счетъ работы прилежный былъ, всякое дѣло у него въ рукахъ кипитъ, да работается.

Жилъ онъ посреди самой деревни съ бабкой, старухой, въ своей избѣ, что̀ ему въ наслѣдство отъ отца осталась. И скотину держалъ, ничѣмъ его Богъ не обидѣлъ; даромъ что холостъ былъ, все у него на мѣстѣ, порядокъ такой, какой не у всякаго женатаго найдешь. Всѣмъ былъ парень хорошій, первый по деревнѣ.

Краля тоже у насъ была и старостина дочка Акулина, красивая, пригожая дѣвка. Много было охотниковъ породниться со старостою, да все напрасно. Акулина гордая такая была, что ей не одинъ по душѣ не приходился. Ужь на что Митюха—и тотъ отъ нее сторонился, да всегда шапку ломалъ.

Соберутся, бывало, дѣвки на посидѣлки, да Митюху-то и поджидаютъ; молчатъ себѣ и съ парнями-то мало занимаются. Спроситъ Акуля: „а что вы, дѣвки, не поете, словно мертвые сидите?“ Скажутъ ей дѣвки: погоди, вотъ Митюха придетъ! безъ него пѣсня не поется! — А она-то въ отвѣтъ: „стоитъ кого дожидаться: словно невѣсть кто, только что краснобай. Добро бы баринъ, а то такой-же мужикъ! Валяйте, дѣвки!“ И затянетъ что-нибудь. Дѣвки помнутся, помнутся, да къ ней и пристанутъ, и пошла писать! Взойдетъ Митюха, видитъ, что безъ него стряпня зачата, только скосится въ сторону: знаетъ, значитъ, кто всему дѣлу зачинщикъ, и пойдетъ ко всѣмъ приставать: что видно меня подождать не хотѣли, или нашли кто лучше моего пѣсню спѣть умѣетъ?—А Акуля ему сейчасъ въ отвѣтъ: „вишь ты какой баринъ, дожидай тебя до полночи, думаешь и пѣсни безъ тебя пѣть не умѣютъ? Вотъ Ванюха (а Ванюха что ни на есть послѣднiй парень у насъ былъ), такъ тотъ еще лучше тебя споетъ“, а сама-то смѣется, такъ какъ будто и взаправду говоритъ. Поморщится Митюха, да ужь съ сердцемъ и отвѣтитъ: „спасибо-де, Акулина Тимофѣевна, за ласку на добромъ словѣ знать хуже Ванюхи не нашла съ кѣмъ меня и сравнять.“ Возьметъ шапку, и вонъ изъ избы, а она знай заливается, хохочетъ.— Ишь, скажетъ, пѣтухъ-мокрыя крылья, все бы ему кланялись, да просили: боль-

но онъ завеличался, дѣвки!—А дѣвки ни гугу, зависть ихъ на Акулю беретъ, какъ она съ Митюхой расправляется.

Жили такъ они, словно недруги, и ужъ какъ она къ Митюхи приставала, такъ упаси Боже! Гдѣ ни увидитъ, тутъ его и задѣнетъ. „Что, спроситъ, ясный Бова-королевичъ, все ли въ твоемъ царствѣ благополучно обстоитъ?“—Али какъ Митюха въ хороводъ станетъ, она и начнетъ: „что-де баринъ нашъ сегодня унылый такой, видно печаль приключилась?“ — Плюнетъ Митюха да и въ сторону.

Разъ вечеромъ идетъ Митюха по деревнѣ, а Акуля къ нему на встрѣчу: съ посидѣлокъ шла отъ бабушки Ѳеклы. Поклонился онъ ей, а она ему и скажи: „что не былъ у насъ, принцъ заморскій? мы съ дѣвками глаза всѣ проплакали, что тебя не видали!“—да и хотѣла пройти, а онъ къ ней: за что, говоритъ, вы меня, Акулина Тимофѣевна, всегда порочите да обижаете? —

Она знай только покатывается со смѣху: „вотъ, говоритъ, сиротой казанской прикинулся!“—Слушай, говоритъ Митюха, смѣйся ты, али не смѣйся, а быть тебѣ за мной!—А она только пуще залилась со смѣху.—Я, говоритъ онъ, что задумалъ, то ужъ непремѣнно себѣ добуду, таковъ я человѣкъ, али ты мнѣ покоришься, али я пропаду со свѣту, а на своемъ поставлю!—

Такъ и разошлись. Смѣялась послѣ дѣвкамъ Акуля: „на Митюху, говоритъ, находитъ что-то начало, дѣвки!“

Апосля Петревокъ, знаешь, у насъ дѣвки въ лѣсъ по грибы ходятъ. Вотъ и пойди разъ Акулина тоже съ дѣвками; не пускалъ отецъ ее, такъ у матери выпросилась, да и въ лѣсъ, а Митюха караулилъ ужъ давно этотъ день.

Разбрелись дѣвки по лѣсу, которая куда, перекликаются межъ собой, чтобъ съ дороги не сбиться. Нашла Акуля гнѣздо боровиковъ, присѣла, молчитъ, да знай въ кузовъ накладываетъ. „Экое, думаетъ, счастье мнѣ привалило!“ А Митюха тутъ, какъ тутъ.— „Здравствуйте, говоритъ, Акулина Тимофѣевна!“

Дѣвка такъ и обомлѣла, слова вымолвить не можетъ, перепугалась ужъ очень. — Ну, говоритъ Митюха, сказывалъ я тебѣ, что будешь моей! — Обнялъ ее, да ну цѣловать: „люба моя, золотая моя,“ а самъ-отъ плачетъ да цѣлуетъ. Совсѣмъ парень въ безпамятство пришелъ.

Видитъ дѣвка, дѣло плохое: кричать, такъ пуще осерчаетъ, убьетъ совсѣмъ. „Дѣлай, что хочешь, говоритъ, Митюха — я и въ деревню не покажусь, тутъ и жизнь покончу.“

Отшатнулся парень и смотритъ на нее; а она вся, словно листъ, дрожитъ, перепугалась ужъ очень! Постоялъ, постоялъ онъ, да и говоритъ:

„Ну, Акуля, ступай съ Богомъ! дай те Господь всякаго счастья, а я не жилецъ въ этомъ свѣтѣ.“ Снялъ шапку, поклонился ей да и пошелъ себѣ.

А она его кличетъ: „Митя, а Митя!“—Остановился. —„Что, говоритъ, съ тобой?“ —Одолѣла ты меня, Акуля, говоритъ онъ ей — намъ вдвоемъ нельзя жить: пойду, куда глаза глядятъ, либо въ болото, либо въ рѣку угожу — да и пошелъ опять.

Она, какъ услыхала это, затряслась вся, вскинулась, да прямо къ нему: „голубчикъ ты мой, родной мой, Митинька, кричитъ: прости меня, я и сама-то тебя больше жизни любила, да вотъ съ сердцемъ совладать не могла“ и пошла, и пошла.... Такъ они часа два тутъ толковали, ажъ завечерѣло совсѣмъ, какъ Акуля въ деревню вернулась.

Мать бранить сбиралась, да какъ увидѣла ее блѣдную, да разстроенную, такъ куда и брань дѣвалась; уложила ее поскорѣй, и цѣлую ночь потомъ сама не спала, думала — заболѣетъ дѣвка. А Акуля ничего; утромъ встала такая веселая, что чудо просто! Мать-то тутъ и начала спрашивать: „что, говоритъ, съ тобой Акуля вчера такое случилось?“ —Ничего, говоритъ, съ дороги сбилась, такъ запугалась очень.

Стали замѣчать на деревнѣ, что невесела что-то Акуля, да и Митюха тоже. Пошли, знаешь, толки да переговоры. Одинъ говоритъ, что Акуля съ Митюхой на

озерѣ видали, какъ они вдвоемъ катались по вечеру; другой другое. Однако все это говорили про себя въ тихомолку, боялись они старосту прогнѣвать.

Узналъ онъ однако про всѣ толки стороной, отъ сосѣдняго дьячка. Пришелъ опосля въ кабакъ, сердитый такой, да только завидѣлъ Митюха, такъ и зоветъ къ себѣ. „Ты что это задумалъ — говоритъ онъ — а говори же всю правду?“ — А парень-то былъ бойкій, не спугнешь его этимъ. — Что вамъ, говоритъ, дядинька, завидно что ль стало? — Погрозился староста: „смотри, говоритъ, ты у меня, разбойникъ, больно высоко идти задумалъ, попадися мнѣ — въ солдаты отдамъ!“

А Митюха знай себѣ ухомъ не ведетъ. Пыталась мать Акулю бранить. Заперлась дѣвка: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!“

Я и самъ-то неразъ видалъ ихъ вдвоемъ, да дивился. Разъ, ужь послѣ будетъ зимняго Николы, иду я себѣ задами; только подошелъ къ Митюхиной избѣ, смотрю: стоятъ Акуля съ Митюхой да разговариваютъ. Любопытно стало, пріостановился и слушаю; а она-то къ нему пристаетъ: „приходи, говоритъ, желанный безпремѣнно; тебя ждать буду.“ Обняла его да цѣлуетъ; а онъ только ухмыляется: „что, говоритъ, Акуля, говорилъ я тебѣ, что моей будешь; правду или нѣтъ?“

А она ему и говоритъ: околдовалъ ты меня видно, теперь сплю и вижу тебя, мой голубчикъ. Ужь

такъ, говоритъ она, любъ ты мнѣ, что и сказать не умѣю.“

— А пойдешь за меня?

Она пригорюнилась. — “Отецъ, говоритъ, не хочетъ„.

— Не хочетъ, развѣ я хуже другихъ?

— „За Сидорку онъ меня прочитъ“. (А Сидорка конторщикъ нашъ былъ).

— За Сидорку? Да я ему на тебя и смотрѣть-то закажу!

— „Отецъ приневоливаетъ, мать плачется“.

А Димитрій опять: „любъ я тебѣ, говоритъ, Акуль, скажи по правдѣ?“

— Жизни ты мнѣ, Митя, дороже; да что тутъ сдѣлаешь?

Призадумался онъ да и молвилъ: „попытка не шутка, а спросъ не бѣда. Ступай Акуля, помолись хорошенько; завтра утромъ къ отцу пойду: можетъ и отдастъ за меня.“

— Не отдастъ онъ, Митя.

— „А не отдастъ, такъ и самъ возьму, а за Сидоркой тебѣ не бывать!“

Пошла она отъ него такая задумчивая, а онъ принялся заборъ починять. — Я вышелъ изъ-за угла, поздоровкался: здравствуй, говорю, Митрій, что хорошаго? Жениться, говорятъ, собираешься?

— “Мало ли что бабы болтаютъ!„

— Чего болтаютъ, всѣ сосѣди говорятъ про это!

— “Ну и пускай говорятъ; а я женюсь, когда захочу.„

— Полно, Митрій, вотъ бы ты Акулину засваталъ, славная бы жена была!

— “Словно на деревнѣ только и есть, что старостина дочь. Да для нее и безъ насъ женихи найдутся?„

— Чего такъ?

— “Да такъ!„

— Полно — говорю я ему, а самъ вижу, что парень самъ не свой — можетъ Тимофей Ермолаичъ за тебя ее и прочитъ?

— “Тимофей меня не пожелаетъ; онъ въ бары лѣзетъ, а я что? простой мужикъ, безъ роду, безъ племени.“

— Да и ты парень-то хоть куда, первый у насъ.

— „Что первый-то я у васъ, это я самъ знаю, говоритъ, да Тимофей дочки все-таки не отдастъ: неча пустое залаживать, да толковать понапрасну!„

Стукнулъ топоромъ, такъ что щепки полетѣли, да и замолчалъ. Пошелъ я домой, женѣ и разсказалъ все: очень ужъ мы вдвоемъ парня жалѣли, что такъ убивается.

Однако утромъ сдержалъ Митюха слово: катитъ къ старостѣ на дворъ, а староста сани запрягаетъ въ контору ѣхать.

— Здравствуйте, говоритъ, Тимофей Ермолаичъ!

— „Здравствуй, братъ — отвѣчалъ староста, а самъ насупился, взглянуть страшно — чего, говоритъ, тебѣ надо?“

— Къ вамъ пришолъ, Тимофей Ермолаичъ, дѣло есть.

— „Дѣло?“ — говоритъ Ермолаичъ да и смотритъ на него, словно съѣсть хочетъ.

— Да, дѣло и большое — отвѣчаетъ Митюха, а самъ кланяется — Отдай, Тимофей Ермолаичъ, за меня дочку-то; полюбились мы крѣпко промежъ себя!

Услыхалъ староста, позеленѣлъ весь.

— „Что! — спрашиваетъ грозно — съ чего ты это задумалъ?“

— Да съ чего задумалъ! полюбилась — вотъ те и сказъ!

— „А видишь ли это?“ — говоритъ староста, а самъ кнутовищемъ на ворота показываетъ.

— Вижу — говоритъ Митюха.

— „Такъ ступай себѣ, да чтобъ ты и дороги къ моему дому не зналъ, голь кабацкая!“

Поблѣднѣлъ Митюха: „ты, говоритъ, отказать воленъ, а ругать меня не моги.“

Затопалъ ногами староста, да и лѣзетъ прямо къ парню.

— „Щенокъ ты эдакой, да я изъ тебя мочалы на-

щиплю, да я тебя въ каторгу вгоню, въ солдаты упрячу!...“

Отсторонился Митюха: „не балуй, говоритъ, Тимофей Ермолаичъ, не давай воли рукамъ, смотри ушибу.“

А тотъ-то разсвирѣпѣлъ еще пуще, да такъ на драку и лѣзетъ.

— „Эй — говоритъ — дядя, смотри, оставь, не бранись, отступи съ честью; я-те худого ничего не сдѣлалъ, не опорочилъ ни чѣмъ; что лаешься, старый шутъ?“

Какъ это услыхалъ староста, да Митюху-то за бороду и цапъ-царапъ.

Заревѣлъ парень благимъ матомъ, погнулъ Тимофея, да тутъ бы кажись и смерти его предалъ, еслибъ не подвернулась Акуля.

„Оставь — кричитъ она Митрію — оставь, слышь — прости!“

Какъ услыхалъ онъ ея голосъ, у него и руки опустились. Оставилъ старосту, повернулся да и пошелъ со двора долой; а Тимофей видитъ, что бѣда прошла, поднялся, да у воротъ его раза три кнутовищемъ по загорбку и съѣздилъ. Митюха не оборотился даже, а потомъ пришелъ въ свою избу, какъ ни въ чемъ не бывало, только сумрачный такой, словно осень.

Взяла съ тѣхъ поръ злость Тимофея. Началъ допекать парня: то на работу, то въ городъ, куда ни на есть хуже, туда посылаетъ. Молчитъ Митюха, работаетъ

за троихъ, съ старостой ни слова, наровитъ больше не встрѣчаться съ нимъ.

А послѣ прослышали въ деревнѣ: сосватана Акуля за Сидорку. Пристали парни къ Митюхѣ: прозѣвалъ, братъ, невѣсту-то? Тотъ ничего, ухмыляется себѣ да и только. Встрѣтилъ разъ Сидорку, спрашиваетъ: „ты, говоритъ, я слышалъ, Сидоръ Петровичъ, жениться хочешь?“

Тотъ ему: а тебѣ что за дѣло?

— „Ничего, говоритъ, а я бы тебѣ совѣтовалъ по добру; коли на Акулѣ, такъ эти шутки остановить.“

— А для чего такъ, примѣромъ?

— „А за тѣмъ, что этому дѣлу не бывать?“

— Ой-ли?

— „Заподлинно такъ!“

— Не ты-ли не позволишь?

— „А, пожалуй, что и я. Бывалъ ты, спрашиваетъ, Сидоръ Петровичъ, въ медвѣжьемъ ученьи?“

— Нѣтъ, говоритъ.

— „Такъ коли жениться на Акулѣ захочешь, такъ не миновать тебѣ этого.“

— Да на тебя, разбойника, и управа найдется!

— „Пока, говоритъ Митюха, управа придетъ, до тѣхъ поръ я тебя лихо обработаю: такъ удружу, что и жаловаться забудешь!“

Разошлись они. Побѣжалъ Сидорка къ старостѣ: такъ и такъ, говоритъ, Тимофей Ермолаичъ, спровадь куда

нибудь Митюху, а то жениться на твоей дочкѣ опасливо, убьетъ собачій сынъ! — Призвалъ староста Митюху.

— „Ты, говоритъ, что? Разбойничать задумалъ, а?“

Молчитъ.

— „Да отвѣчай же!„ кричитъ староста.

Опять молчитъ.

— „Хорошо — говоритъ Ермолаичъ — я съ тобой сдѣлаюсь, погоди, ступай теперь себѣ; завтра тебя міромъ разсудимъ!“

Пошелъ Митюха; попадается ему Акулька.

— „Прощай — говоритъ Митюха—сегодня къ управителю пойду, поклонюсь ему въ ноги; можетъ смилуется, а тамъ посмотримъ, только отцу ничего не говори, смотри.“

На утро слышимъ: пропалъ Митюха, нѣтъ да нѣтъ! Собрался міръ и порѣшили старики: чтобы наказать парня хорошенько, какъ вернется.

Недѣля проходитъ, проходитъ другая, нѣтъ Митюхи, и слѣдъ простылъ. Бабка плачетъ убивается, а придумать не можетъ, куда это парень дѣвался

Дѣло идетъ межъ тѣмъ своимъ чередомъ. Святая пришла. Акулинину свадьбу на Ѳоминой назначили. Все слажено, а Митюхи нѣтъ какъ нѣтъ. Присылалъ управляющій сказать, что былъ у него Митюха, жениться просилъ, да онъ ему отказалъ, а больше ничего не знаетъ.

Наканунѣ самой свадьбы, во вторникъ на Ѳоминой назначенъ былъ у Акули дѣвишникъ. Собрались

дѣвки, поютъ да пируютъ. Вышла въ сѣни Акуля: понадобилось принести ей что-то въ избу. Смотритъ, на дворѣ стоитъ Митюха, притаился, да ее тихимъ голосомъ и вызываетъ.

Подошла. „Гдѣ, говоритъ, ты пропадалъ?“

— Въ бѣгахъ былъ.

— „А завтра меня вѣнчать хотятъ, отецъ больно старается.“

— Не бывать этому, Акуля, коли я любъ тебѣ.

— „Нѣтъ, говоритъ, Митя, ничего ты не сдѣлаешь; отецъ тебя слышать не хочетъ; міръ на сходкѣ наказать тебя положилъ.“

Смотритъ онъ на нее. „Все ли?“ спрашиваетъ.

— „Все, говоритъ: не бывать мнѣ за тобой, Митя.“

— Ой-ли?

— „Видно ужь такъ: знать судьба моя такая горькая!“

— Хочешь, говоритъ, увезу я тебя?

— „Что ты, голубчикъ, что ты задумалъ, какъ же безъ отцевскаго благословенья?“

— Ничего, говоритъ, коли ты меня любишь.

— „Люблю. Да какъ же такъ? Богъ счастья намъ не дастъ, попъ не повѣнчаетъ.“

— Богъ-то счастья дастъ, за то что не за дѣло, а съ дуру отецъ тебя за меня не отдаетъ, а попа пріищемъ; коли нашъ не захочетъ, такъ изъ сосѣдняго села повѣнчаетъ!

Призадумалась. „Страшное дѣло ты затѣялъ, Митя, говоритъ. А гдѣ мы жить будемъ?“

— Гдѣ нибудь, отвѣчаетъ онъ, мѣсто найдемъ, не кручинься: жилъ же я до сей поры гдѣ нибудь! Не по лѣсу шатался...

Дрожитъ дѣвка. Боится. „Да когда, говоритъ, успѣешь-то? Завтра утромъ вѣнчать будутъ.“

— Ничего, говоритъ, это наше дѣло.

Стоитъ, молчитъ. Что жь, Акуля? Забыла видно меня! Не любъ я сталъ? Сидорка прельстилъ?

Молчитъ она, только всхлипываетъ, значитъ — плачетъ.

— „Дай, говоритъ, подумаю, а ты, Митя, свое дѣло дѣлай!“

Пошла въ избу. Руки трясутся; ноги дрожатъ. Боится, чтобъ кто Митюху не увидалъ. Свѣта божьяго не видитъ, пѣсенъ не слышитъ: и страшно-то ей и любо!...

А Митюха пошелъ на дорогу и ждетъ. Идетъ Сидорка на дѣвишникъ, веселый такой, подъ хмѣлькомъ немного, со сватомъ и промежь себя толкуютъ. Глядь— Митюха тутъ какъ тутъ, на дубиночку опирается, шапку снялъ.

— Здравствуй, Сидоръ Петровичъ! Что каково, говоритъ, поживаешь? Какъ Богъ милуетъ?

— „Пропусти“, кричитъ Сидорка, да свата-то впередъ и подталкиваетъ.

— Ты, отвѣчаетъ Митюха, свата-то мнѣ не толкай, а подойди-ка самъ! Помнишь, что я тебѣ о медвѣжьемъ-то ученьи толковалъ? Вотъ теперь и моя очередь пришла тебя поучить.

Взвылъ Сидорка благимъ матомъ, а Митюха на него налегъ да и пошелъ тормозить. Сцѣпились они словно друзья закадычные, такъ по землѣ и валяются. Сидорка ужь храпѣть начинаетъ; задушилъ его Митюха совсѣмъ.

Сватъ увидалъ: дѣло плохо, бѣжитъ по деревнѣ; караулъ кричитъ, всю деревню на ноги поднялъ; кто какъ былъ, всѣ выбѣжали за околицу. Смотрятъ: Сидорка въ канавѣ безъ языка лежитъ, а Митюха по полю во всѣ лопатки зазваниваетъ. Версты три гнались, бѣжитъ Митюха, на одну ногу припадаетъ немного: зашибся, значитъ; а поле ровное такое, скрыться некуда. Бѣжалъ, бѣжалъ, да видно не въ мочь стало, остановился. Молодцы набѣжали, окружили, однако подойти боятся. Одинъ изловчился, въ загорбокъ его хватилъ; палъ Митюха. Связали его по рукамъ и по ногамъ, потащили въ деревню.

Утромъ міръ собрался. Привели Митюху.

— „Гдѣ бѣгалъ, говори?“ спрашиваетъ староста.

— Гдѣ былъ, тамъ меня нѣтъ! отвѣчаетъ Митюха. Дѣлай, что хошь, со мной, хоть въ желѣзо куй, твое дѣло.

— „Присудили тебя старики — говоритъ староста —

міромъ наказать; а за Сидорку другая расплата будетъ".

— Для-че?—спрашиваетъ Митюха—все бы за одно; а наказать-то я себя не позволю; пущай лучше въ солдаты отдадутъ.

— „Въ солдатахъ тебѣ быть, этого не миновать!..—кричитъ староста — а теперь, вали его, ребята!"

Бросились парни, насилу двѣнадцать молодцевъ Митюху осилили; многихъ до крови побилъ; однако осилили, да отжарили порядкомъ, еле подняться могъ.

— „Ну, теперь — говоритъ староста — прохладиться тебѣ, зятекъ, денька два дадутъ, а тамъ поѣзжай къ управителю, — его воля надъ тобою".

Связали Митюху, повели въ сторожку, сторожей приставили.

День проходитъ; сидитъ Митюха, исхудалъ словно недѣль пять въ горячкѣ лежалъ; приходили его провѣдать, молчитъ. Ни слова ни съ кѣмъ не говоритъ, свою думу думаетъ.

Ночь не спитъ Акуля въ избѣ. Жалко ей Митюху, да и рада-то она, что свадьба отсрочена съ Сидоркой. Слышитъ около полуночи кто-то легонько въ дверь постукиваетъ. Затряслась она вся, сердце чуетъ: Митюха. Встала, вышла въ сѣни, а онъ тутъ и стоитъ блѣдный такой.

— Что ты, спрашиваетъ, Митя, али выпустили?

Онъ-то на нее смотритъ, да такъ жалостливо, что и сказать нельзя.

— „Господь, говоритъ, съ тобой, Митя: иди домой, завтра около вечера выйду къ тебѣ, тамъ и порѣшимъ“.

— Не надо, говоритъ, да эдакъ глухо какъ-то.

Испугалась дѣвка. — „Чего не надо?“ И въ толкъ-то себѣ прибрать не можетъ, о чемъ онъ ей говоритъ.

— Не надо, не приходи!

— „Что ты, Митя? Аль разлюбилъ меня, что-ли? Али съ тобой что приключилось?“

— Сказалъ: не надо—говоритъ онъ, а голосъ у самого дрожитъ — не бывать тебѣ за мной, не то теперь...

— „Да что съ тобой? Вспомни, что прежде говорилъ. Я объ этомъ все думала“.

— Не бывать теперь этому, говоритъ, не женихъ я тебѣ теперь, тебѣ не такого жениха надо, какъ я — сѣченый.

— „Полно, Митя! Что ты, желанный, на себя напустилъ?“

— Нѣтъ, говоритъ, что не говори, а я все же сѣченый.

— „Да что ты затвердилъ одно: сѣченый, да сѣченый; вотъ и тятьку въ прошломъ году управитель у себя наказывалъ.“

— То тятька, то я — отвѣчаетъ Дмитрій — это дѣло разное, а мнѣ на тебя съ этихъ поръ и взглянуть-то совѣстно будетъ; супротивъ твоихъ словъ, слова не найти — сѣченый я и все тутъ.

Обнялъ онъ ее, цѣлуетъ, значитъ, прощается. Дѣвка чуть не навзрыдъ плачетъ. Попрощался онъ съ ней; спалъ у ней съ шеи платокъ. Митя положилъ его за пазуху да и идетъ.

— „Да куда же?" — спрашиваетъ Акулина, удерживая его.

Высвободился Митя и говоритъ: „знаешь куда нашему брату, сѣченому, дорога — въ лѣсъ" — и пошелъ себѣ со двора.

Встали по утру. Слышимъ, убѣжалъ Митюха. Ждать, пождать — нѣтъ, какъ въ воду упалъ. Выздоровѣлъ Сидорка, женился на Акулѣ; только не на радость взялъ онъ ее, чахла, чахла она, да году не дотянула — умерла. Вотъ тамъ на погостѣ и схоронили, около церкви.

Объ Митюхѣ тоже по сію пору ничего не слышно. Говорили на дняхъ наши, что на базарѣ его видали, какъ „несчастненькихъ" вели, да говорятъ не признали хорошенько, доподлинно ли былъ Митюха. Такъ и сгибъ-пропалъ парень.

3. Плотничья артель.

I.

Однажды я сидѣлъ въ кабинетѣ. (Кабинетъ, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегалъ къ лакейской). Слышу: кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи моего старосты Семена, вошелъ мужикъ небольшаго роста, отчасти съ татарскимъ окладомъ лица; глаза угловатые, лицо карявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ, но мужикъ франтоватый: голова расчесанная, намасляная, въ сумленной поддевкѣ на распашку, въ пестрядинной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень; въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго; потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцѣловалъ у меня руку. Мнѣ это не понравилось.

— Что это за глупость? сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— „Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ господинъ, значитъ, опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство“ — проговорилъ онъ съ умилительной физіономіей.

— Да кто ты такой? Что за человѣкъ?

— „Пузичъ, ваше привосходительство.“

— Что такое Пузичъ?

— „Фамилія такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и такъ какъ таперича наслышенъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежель таперича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство....“

— Плотникъ это-съ, что этта говорили — ригу сработать — объяснилъ Семенъ.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужь очень говоришь ты, братецъ — сказалъ я.

Пузичъ принялъ это за похвалу.

— „Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежель таперича дѣла имѣемъ съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.“

— Конечно; только такъ ли хорошо строишь, какъ говоришь?

— „Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлевича спросить, здѣсь на знати; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ; я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должо̀нъ сказать: колесо мое большое, ваше привосхо-

дительство; должонъ благодарить Владычицу нашу, Сѣнновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Таперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть — все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.“

Семенъ усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? — замѣтилъ я.

— „Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ предъ Богомъ, такъ и передъ вами говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что мужикъ?—дуракъ, такъ сказать, больше ничего!“ возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то-что.... вмѣшался Семенъ.

— „Извѣстно, слово твое настоящее, Семенъ Яковлевичъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло“ — отвѣчалъ не конфузясь Пузичъ.

Мнѣ онъ окончательно становился непріятенъ.

— Брать ли намъ его? спросилъ я Семена.

Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка — глушь...

— „Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость!“ подхватилъ Пузичъ.

— Что жь ты возьмешь? спросилъ я.

— „Цѣна моя, ваше привосходительство, будетъ деревенская, не то что съ запросомъ какимъ нибудь, али тамъ прочее-другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе значитъ хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ выходитъ двѣсти рублевъ серебромъ.“

При этомъ Семенъ мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговалъ что-ли? спросилъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— „Меньше одной копѣйки, Семенъ Яковлевичъ, взять не могу“, отвѣчалъ тотъ.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя, сто — сказалъ я, думая, что снесъ сколько возможно много. По лицу Пузича промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто — много, помилуйте! семидесяти рублей съ него за глаза будетъ, произнесъ онъ съ укоризною.

Пузичъ усмѣхнулся.

— „Не то, чтобъ объ семидесяти, а и объ ста рубляхъ, Семенъ Яковлевичъ, разговаривать нечего. Этой цѣны малой ребенокъ не возьметъ! сказалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто скорѣй готовъ былъ умереть, чѣмъ работать за сто рублей.

— Полно врать, Пузичъ! полно! Что языкъ понапрасну треплешь! возразилъ Семенъ, начиная выходить изъ терпѣнья.

— Може вы сами языкъ понапрасну треплете, Семенъ Яковлевичъ, здѣсь идетъ разговоръ съ господиномъ, а не съ мужикомъ: значитъ, понимаемъ съ кѣмъ и передъ кѣмъ говоримъ.“

— Сто рублей, больше не дамъ; согласенъ—хорошо, а нѣтъ, такъ можешь убираться, сказалъ я и нарочно сталъ заниматься своимъ дѣломъ.

Пузичъ не уходилъ.

— „Позвольте, ваше привосходительство, началъ онъ, прикладывая руку къ сердцу, такъ какъ теперича я оченно желаю, чтобъ знакомство промежъ насъ было; значитъ, полтораста серебромъ вы изволите положить, и то въ убытокъ—вѣрьте Богу.“

— Больше ста не дамъ.

— „Ваше высокородіе, продолжалъ Пузичъ, еще крѣпче прижимая руку къ сердцу, кому теперича свое тѣло не мило, а лопни, значитъ, мои глаза, ваше привосходительство, ежели кто хоть копѣйку противъ меня уваженья сдѣлаетъ.“

— Ломается еще туда же, дура-голова! проговорилъ Семенъ.

— „Ломаться мы не ломаемся, Семенъ Яковличъ, ужь это вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, а, значитъ, дѣло выходитъ не подходящее.“

— Не подходящее? повторилъ Семенъ сердито. Мало

тебѣ, жиду, ста рублей. Двадцать пять серебромъ и то лишныхъ передано.

Пузичъ какъ будто не слыхалъ этого замѣчанья и обратился ко мнѣ:

— „Накиньте, ваше высокопривосходительство, хоть четвертную еще; ей-Богу, безобидно будетъ.“

Я молчалъ.

— „Это что говорить, продолжалъ Пузичъ, сработать можно всяко; только я худаго слова, значитъ, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напредки знали... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ— осмѣлюсь такъ, по своей глупости, сказать— стражающій, въ настоящемъ видѣ значитъ... Когда у него эта стройка дому была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенья доложить вашему превосходительству, бѣгомъ сбѣжали отъ него; и теперича когда онъ сталъ требовать меня: „чтожъ, думаю, буди воля царя небеснаго!“ а я готовъ завсегда служить господамъ, ваше привосходительство. И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу: первые двѣ недѣли всѣ мои ребра палкой пересчитаны были; разъ пять, можетъ статься, кровянилъ меня; но я, по своему чувствію, ваше привосходительство, не то, что бралъ въ обиду, а еще въ удовольствіе: значитъ, насъ, дураковъ, уму-разуму учатъ; когда теперича мужикъ

надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу."

— Подлый какой! подумалъ я и молчалъ.

— „Теперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было, генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублей серебромъ лишнихъ. „Ná, говоритъ, тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему, значитъ, угодилъ." И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала милліоннаго: значитъ, могу служить господамъ."

Я все молчалъ. Выждалъ Пузичъ немного и снова заговорилъ:

— „А на счетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Теперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать — больше того ничего сказать не могу."

— Не дамъ больше ста, сказалъ я рѣшительно.

Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— „Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять не сообразно" — проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупилъ, вздохнувъ — прощенья, значитъ, просимъ", и сталъ молиться, и молился опять долго. „Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ" — пробунчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги потопталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! возразилъ Семенъ.

Пузичъ ничего на это не сказалъ и повторилъ еще разъ:

— „Прощенья просимъ, ваше высокородіе“, и пошелъ; Семенъ за нимъ. Я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень медленно по двору и что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они опять воротились.

— Сто беретъ, сказалъ Семенъ.

— „Хоша три рублика серебромъ, ваше высокородіе, набавьте; по крайности я на артель ведро вина куплю“ — присовокупилъ Пузичъ съ подло-просительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копѣйки не прибавлю — возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— „Какъ нынче и на свѣтѣ стало жить — не знаемъ, началъ онъ: господа, выходитъ, пошли скупые, работы дешевыя... задачку, ужъ, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать“ прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— „Сколько-жъ тебѣ?

— Двадцать пять рубликовъ серебромъ“ — отвѣчалъ Пузичъ совершенно ужъ не своимъ голосомъ.

Видимо, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей,

которые о деньгахъ покойно не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать пять рублей; Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? Не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! — сказалъ онъ Пузичу.

— „Ахъ, Семенъ Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь“—проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожаную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь, отвѣчалъ Семенъ. Теперь, вотъ ты у насъ работу берешь, а я тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ опосля чего не вышло: ты тамъ какъ знаешь, а чтобъ на нашей работѣ Петруха былъ безпремѣнно.

Пузичъ насмѣшливо улыбнулся.

— „Петруха? повторилъ онъ съ усмѣшкою и обратился ко мнѣ. Когда я, ваше превосходительство, самъ на работѣ — что же значитъ Петруха? какое онъ званіе можетъ имѣть, когда самъ подрядчикъ тутъ, извините вы меня, Семенъ Яковличъ!“

— Изъ нашихъ, вѣдь, мужицкихъ извиненій не шубу шить, это что! возразилъ Семенъ.—Не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ — знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— „Ежели теперича, чтобъ барину сдѣлать удо-

вольствіе, Семенъ Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять много нечего: артель моя большая".

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ; я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужь съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто такой? спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надежный — отвѣчалъ онъ.

— „Кто про это говоритъ! Мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значитъ. Ежели теперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человѣкъ, значитъ, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованье кладемъ ему сполна"—проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, что было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ острый, и онъ поддерживалъ ее только по своимъ торговымъ разсчетамъ.

При прощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтинникѣ мнѣ ужь совѣстно было отказать—я ему далъ, но Семенъ и противъ этого возразилъ:

— Ну, паря, славная же ты выжима!—проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

II.

Пузичъ пришелъ работать самъ-четвертъ: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глуповатымъ на лицо; съ Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорилъ самымъ легкимъ теноромъ и все въ складъ. Уставщикъ Петруха былъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ на работѣ оказался совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, но бранилъ только одного Матюху, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранитъ подрядчикъ? — спросилъ я его.

— „Завселды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завселды все лается“ — отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ; но передъ Петрухой—другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особенное наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ его въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ это сбросили, а тащили другое.

— „Что! аль неладно?“ спрашиваетъ при этомъ

Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостоивалъ его отвѣтомъ, молча размѣчалъ и Пузичъ смиренно усаживался и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича; на долю его выпало тесать полъ и онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить, заговорилъ я.

— „Что дѣлать-то, батюшка — отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ — нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ — да! Хоть бы и мое дѣло, не молодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валитъ.... Пора бы не бревна катать, а лыко драть, да на печи лежать — да!“

— Отчего это ты все вотъ въ складъ говоришь? —

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— „Изъ молоду, государь мой милостивый, такая ужь моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то набилъ на то — не помню; съ хороводовъ да съ пѣсенъ, видно, дѣло пошло; ну и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ“.

— Дружкой былъ?

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— „Я былъ, може, изъ дружекъ дружка, а не то,

что просто дружка; меня ажно изъ Ярославля богатые мужики ссягали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, по сту рублевъ мнѣ за то платили; я былъ дорогой дружка — да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ складъ говорю, а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что твой колоколецъ подъ дугой, али гусли многострунныя!“

— Какъ же у васъ начинаются, напримѣръ, эти сговоры? Съ чего?

— „Сговоры, государь мой милостивый — отвѣчалъ Сергѣичъ, кажется, очень довольный моимъ вопросомъ— начинаются, ежели дружка дѣломъ правитъ по порядку: какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говоритъ: „у васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ; товаръ вашъ покажите, а купца нашего посмотрите...“ Тутъ сейчасъ съ ихниной, съ невѣстиной стороны, свашка, по нашему, немытая рубашка, и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, вѣстимо, тупятся, а имъ говорятъ, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись — да! Теперича невѣста, значитъ, понравилась. Жениховъ дружка сейчасъ по имени чествуетъ хозяина въ дому.... Иванъ Иванычъ, что ли: „товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ растопился, пожалуйте шубу на столъ, да станемъ Богу молиться да по рукамъ бить-

ся“ — да! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ: горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обвывать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать, и пьянство тутъ, государь мой милостивый, у насъ дураковъ-мужиковъ, бываетъ шибкое; все, значитъ, отъ жениха идетъ; только, сердечный, повертывайся, не жалѣй денежекъ, пріѣзжай, значитъ, запасенный...

„Тоже въ самую свадьбу, другъ сердечный, приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: жениховъ поѣздъ въѣзжаетъ въ селенье; дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочитъ съ саней и побѣжитъ къ невѣстиной избѣ подъ окошко съ такимъ приговоромъ: „стоятъ наши добрые кони въ чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подъ синими небесами, подъ частыми подъ звѣздами, подъ черными облаками; нѣтъ ли у васъ на дворѣ, сватъ и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?“ Изъ избы имъ откликаются: „милости просимъ; про вашихъ коней есть у насъ много мѣстовъ....“

— А нынче ты ужъ не дружничаешь?

— „Нѣтъ, государь мой милостивый, давно ужъ отсталъ; что-то съ рожи-то цвѣтенъ да румянъ, а глаза больно плохи. Вотъ и рубишь теперь все больше по памяти; кажиный годъ раза три со слѣпа-то обрубишься, а ужъ гдѣ дружничать: тутъ надо глаза быстрые, ноги прыткія!“

— Ты семейный, али одинъ?

— „Какое, другъ сердечный, одинокой! Родомъ-то видно не изъ кустовой ржи. Было въ избѣ всякаго колосья — и мужиковъ и дѣвья: пятерыхъ дочекъ однѣхъ возвелъ, да чужой человѣкъ пенья копать увелъ, въ замужества, значитъ, роздалъ — да! Двухъ было сыновьевъ возростилъ, да и тѣмъ что-то мало себѣ угодилъ. За грѣхи наши, видно, Богъ насъ наказываетъ.“

— А сыновья гдѣ-жь у тебя?

— „Сыновья, другъ сердечный, старшій, волей Божіею, на Низу холеркой померъ, а другаго больно ужъ любилъ да ласкалъ, въ чужи люди не пускалъ, думалъ, въ старые наши годы будутъ отъ него подмоги, а выходитъ видно такъ, что человѣкъ на батькиныхъ съ маткой пирогахъ хуже ростетъ, чѣмъ на чужихъ кулакахъ — да!“

— Спился, что ли?

— „Я ужь и сказать тебѣ не знаю какъ, въ кую сторону онъ дуракъ; не долго бы, кажись, пилъ, да много въ кабакъ отвалилъ. Добросовѣстнымъ онъ, государь мой милостивый, при конторѣ нашей былъ, и послали его, гдѣ грѣху-то быть, съ мирскими деньгами въ городъ; уѣхать-то уѣхалъ въ поддевкѣ, а оттель привели на веревкѣ — да! Всѣ денежки, двѣсти съ хвостикомъ, и ухнулъ тамъ: добрые люди, спасибо, подсобили — да! Онъ-то благовалъ, а батька въ отвѣтъ по-

палъ: мірскіе рублики, батюшка, не простятъ. На сходкѣ такое положенье сдѣлали, что али-бы я деньги за него клалъ, али бы его, разбойника, на поселенье сдалъ— да! Не стерпѣлъ я этого: дѣтки-то къ намъ сердцами не падки, а они намъ худы ли, добры — все сладки. Дѣлать неча, пошелъ къ Пузичу, сталъ ему въ ноги кланяться...."

— А развѣ Пузичъ у васъ деньги въ ростъ отдаетъ?

— „Нешто, нешто, сударь, одолжаетъ кой-кого на знати — отвѣчалъ старикъ, вздохнувъ — изстара еще у нихъ въ дому это заведенье идетъ; дѣды его еще этимъ промышляли."

— Помилуй! самъ Пузичъ дуракъ какой-то, болтушка!

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— „Да, то-то вотъ, что-что разумомъ мелокъ, да сердцемъ-то крѣпокъ, такъ и богатѣе насъ съ тобой, государь милостивый, живетъ. Гривной одолжитъ, а рубль сорвать наровитъ; мало Бога знаетъ, нече похвалить, татарскій родъ проклятый, что-что крещеный! Хоша бы и мое дѣло: тѣмъ временемъ слова не сказалъ — далъ, только въ конторѣ заявилъ, а теперь и держитъ словно въ кабалѣ; старъ не старъ, а все въ эту пору рубль серебра стою, а онъ на кругъ два съ полтиной кладетъ."

— Ну, а прочіе какъ же живутъ у него? спросилъ я.

— „А что, государь мой милостивый, прямо тебѣ скажу: вся артель у насъ на одномъ порядкѣ, отвѣчалъ старикъ тихо. Всѣ въ кабалѣ у него состоимъ. Вонъ хоть бы этотъ Митюшка, дурашный, дурашный парень, а все бы въ недѣлю не рублемъ ассигнаціями надо цѣнить.“

— Неужели жь онъ рубль ассигнаціями только кладетъ ему въ недѣлю?

— „Али больше!... Землицы, значитъ, у Матюхи не было, хлѣбцомъ-то и бились.... Ну, Пузичъ и дѣлалъ имъ это одолженіе: давалъ на пропитаніе, а теперь и разсчитываетъ какъ надо: парень круглый годъ калача не уболитъ съисъ; лапотокъ новыхъ не на что купить, а все денегъ нѣтъ — да! Каковы наши богатые-то мужики, а нашъ-то ужь, пожалуй, изъ всѣхъ хватъ, чорту братъ.“

— Ну, а этотъ Петръ, уставщикъ, вѣрно, на особомъ у Пузича положеніи нанятъ, по настоящей рядѣ?

— „А какое, сударь, по настоящей рядѣ! Тоже въ кабалѣ, еще больше нашего. Триста рублевъ ему должнымъ состоялъ, отъ родителя тоже поотдѣлился, а тутъ, гдѣ бы разживаться, въ болѣсть впалъ, словно бы года два хворалъ, а ужъ это до кого не доведись: хозяинъ лежитъ, нужду въ домѣ творитъ.“

— Отчего жь Пузичъ труситъ его, кажется?

— „Ну да, батюшка, по работѣ-то нужный ему человѣкъ: что онъ безъ него? — какъ безъ рукъ, самъ видишь! А еще и то.... послѣ болѣсти, что ли, съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвенъ, значитъ. Теперича, что маленько Пузичъ сдѣлаетъ не по намъ, онъ сейчасъ ему и влѣпитъ: „ты, баетъ, меня въ грѣхъ не вводи; у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу пріискано.„

— Неужели же онъ это вправду говоритъ?

Сергѣичъ засмѣялся.

— „Нѣтъ, сударь, какое, кажись, вправду: мужикъ богобоязливый, сдѣлаетъ ли экое дѣло! Сердце только срываетъ, стращаетъ. Ну, а Пузичъ тоже плутоватъ, а вѣдь заячьяго разуму человѣкъ: на ружье глядитъ, а отъ воробья бѣжитъ, и боится этого самаго, не прекословствуетъ ему много.“

Въ это время подошелъ Пузичъ и мы должны были кончить свой разговоръ.

III.

Когда срубы были кончены, Пузичъ, къ большому моему удовольствію, отправился на другую какую-то работу. Въ тотъ же день Семенъ подошелъ ко мнѣ:

— „Винца-то ребятамъ обѣщали; прикажите хоть штофикъ имъ выставить и будетъ съ нихъ!“ проговорилъ онъ.

— Хорошо; что-жь ты мнѣ давно не напомнишь? Я было и забылъ.

— „Пережидалъ, чтобъ собака эта куда-нибудь убѣжала, а то вѣдь рыло свое тутъ же сталъ бы мочить“ —отвѣчалъ Семенъ, подразумѣвая, конечно, подъ собакой Пузича.

— Когда-жъ имъ дать?

— „Да вотъ хошь ужò вечеромъ, какъ отшабашатъ.“

— Хорошо.

Вечеромъ, въ сопровожденіи Семена съ штофомъ и нѣсколькими ломтями хлѣба, я вышелъ къ плотникамъ. Они, вѣрно ужъ предувѣдомленные, сидѣли на бревнахъ. Сергѣичъ и Матюшка привстали было и сняли шапки.

— Сидите, братцы; винца я вамъ принесъ, выпейте — сказалъ я, садясь около нихъ тоже на бревно. Петръ, сидѣвшій потупившись, откашлялся.

— „Благодарствуй

присовокупилъ Сергѣичъ, беря дрожащими руками стаканъ.

Матюшка, выпивъ, сталъ только облизываться, какъ теленокъ, которому на морду посыпали соли. Изъ принесеннаго Семеномъ хлѣба, Сергѣичъ взялъ ломоть, акуратно посолилъ его и началъ жевать оставшимися зубами. Матюшка захватилъ два сукроя, почти въ два пріема забилъ ихъ въ ротъ и сталъ, какъ говорится, уплетать за обѣ щеки. Петръ не бралъ.

— Что ты и не закусываешь? — сказалъ я ему.

— „Нѣтъ, не закусываю. Мы, вѣдь, не чайники, а водочники: пососалъ языкъ — и баста!“ отвѣчалъ онъ и опять закашлялся, а потомъ обратился ко мнѣ. — „Я, баринъ, батьку еще твоего зналъ: старикъ былъ важный.“

— Важный? —

— „Важный; лучше тебя.“

— Чѣмъ же лучше?

— „Да словно бы умнѣй тебя былъ,“ — отвѣчалъ безъ церемоніи Петръ.

— Почему жь онъ умнѣй меня былъ? —

— „А потому онъ умнѣй тебя былъ, что ужь онъ бы, братъ, Пузичу за немшоныя стѣны не далъ ста серебромъ — шалишь! Денегъ, видно, у тебя благихъ много.“

— То-то и есть, что не много, а мало — сказалъ я.

— „И денегъ-то мало. Ну, братъ, видно ты взаправду не больно уменъ“ — подхватилъ Петръ. Выпитый стаканъ водки очень подѣйствовалъ на его разговорчивость. Матюшка при этомъ засмѣялся. Сергѣичъ покачалъ головой.

— „Ты по городамъ, вѣдь, больше финтилъ — продолжалъ Петръ — и батькинымъ денежкамъ, чай, глаза протеръ. Какъ бы старика теперь поднять, онъ бы задалъ перцу и тебѣ, и прикащику твоему Семену Яковлевичу. Что, черномазое рыло, водки-то не подносишь? али не любо, что противъ шерсти глажу?“ — обратился онъ къ Семену.

Тотъ поднесъ ему водки и проговорилъ:

— Эко мелево ты, Петруха! — но совсѣмъ не тѣмъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ Пузичу.

— „То-то мелево. Свернули вы, ребята, съ бариномъ домомъ, нечего сказать. Прежде, бывало, при старикѣ: хлѣба нѣтъ, куда ѣхать заимствоваться? въ Раменье.... А ныньче, посмотришь, кто въ Карцовѣ хлѣбъ покупаетъ? все раменскій Семенъ Яковличъ.“

— Божья воля; колькой годъ все неурожаи, да червь побиваетъ — замѣтилъ Семенъ; но Петръ какъ бы не слыхалъ этого и продолжалъ, обращаясь къ Сергѣичу:

— „Прежде, бывало, въ Вонышевѣ работаешь, еще въ воскресенье во второмъ уповодѣ мужики начнутъ собираться. „Куда, ребята?“ спросишь. — „На задѣлье.“

— Да что рано?—„Лучше завремя, а то баринъ забранится...“ А нынче, голова, въ понедѣльникъ, послѣ завтрака, только еще запрягать станутъ. „Что, плуты, поздно ѣдете?“ — Успѣемъ-ста. Семенъ Яковличъ проститъ.“

Семена начинало трогать за живое.

— Что, паря, больно ужь конфузишь, и еще передъ бариномъ! проговорилъ онъ.

Петръ сперва засмѣялся, а потомъ закашлялся.

— „Что мнѣ тебя, голубчикъ, конфузить? — не за что! Ты, вѣдь, выбрался не изъ плутовъ, а только изъ дураковъ.“

Семенъ махнулъ рукой. Мнѣ стало ужь жаль его.

— Я, напротивъ, очень доволенъ Семеномъ; мнѣ такаго смирнаго и добраго прикащика и надо—сказалъ я.

Петръ посмотрѣлъ мнѣ въ лице.

— „У тебя какой-то чинъ, большой или нѣтъ?“ спросилъ онъ вдругъ.

— Титулярный совѣтникъ — капитанъ, значитъ — отвѣчалъ я.

— „Не чиновенъ же ты, братъ! Вонъ у насъ баринъ, такъ генералъ; а ты, видно, и служить-то неохочъ. Барыню-то въ замужство хошь богатую ли взялъ?“

— Нѣтъ, не богатую, а по сердцу.

— „По сердцу, ну да!—возразилъ Петръ.—Пропащее твое дѣло, какъ я посмотрю на тебя. А ты бы до-

служился до большихъ чиновъ, невѣсту бы взялъ богатую, въ вотчину бы свою пріѣхалъ въ каретѣ осмерикомъ, усадьбу бы сейчасъ всю каменную выстроилъ, дурака бы Сеньку своего въ лисью шубу нарядилъ.“

— Это кому какъ Богъ дастъ. Ты вотъ и самъ не богатъ — сказалъ я.

— „Что тебѣ примѣры-то съ меня брать? А, пожалуй, выходитъ, взаправду въ меня пошелъ: такой же дурашный!“ — отрѣзалъ начисто Петръ.

— Больно ужь смѣло, Петръ Алексѣичъ, говоришь! — замѣтилъ Сергѣичъ, опасавшійся, чтобъ я не обидѣлся.

— „Что смѣло-то? Али по твоему, лиса безхвостая, лясы да балясы гладкія точить?“ — отвѣчалъ ему Петръ и отнесся ко мнѣ, показывая на Сергѣича — „Вѣдь прелукавый старичишко, кто его знаетъ....“

— Полно, другъ сердечный! возразилъ Сергѣичъ — что тебѣ на меня воротить, лучше вотъ о себѣ открыть; теперь-то на седьмую версту носъ вытянулъ, а молодымъ помнимъ: высокій да пригожій, да дѣвкамъ угожій. —

При этихъ словахъ, неизвѣстно почему, Матюшка вдругъ засмѣялся. Петръ на него посмотрѣлъ:

— „Ты чему, дуракъ, смѣешься? — и потомъ прибавилъ, какъ бы самъ съ собою — было, видно, и наше времечко; бывало, може такъ, что молодицы на базарѣ изъ-за Петрушки шлыками дирались — подопьютъ тоже....“

— Изъ-за кости съ мозгомъ, Петръ Алексѣичъ, и собаки грызутся... Хорошую ягоду издалече ходятъ брать — сказалъ Сергѣичъ.

— Стало-быть ты смолоду, Петръ, волокита былъ?— спросилъ я его.

Онъ усмѣхнулся.

— Волокитствовалъ, сударь—отвѣчалъ за него Сергѣичъ—сторонка наша, государь мой милостивый, не противъ здѣшнихъ мѣстъ: веселая, гулливая; дѣвки изъ себя пригожія, нарядныя; Петръ Алексѣичъ по-началу въ нѣгѣ жилъ, молвить такъ: на пивѣ родился, на лепешкахъ поднялся — да!

— „Въ Дьяковѣ, голова, была у меня главная притона—началъ Петръ: день-то деньской, вѣстимо, на работѣ, а ночью, братецъ ты мой, такъ по этой хрюминской пустынѣ и лупишь! Теперь, голова, днемъ идешь, такъ боишься, чтобы на звѣря не наскочить, а въ тѣ поры ни страху, ни устали.“

— Значитъ, сердцемъ шелъ, а не ногами — замѣтилъ Сергѣичъ.

— „Какое тутъ къ ляду сердцемъ!—возразилъ Петръ— такъ баловство, вонъ какъ у Сеньки тоже.“

— Что тебя Сенька-то трогаетъ? Все бы тебѣ Сеньку задѣть — отозвался Семенъ.

— „Ты молчи лучше, клинья борода, не серди меня, а не то сейчасъ обличу“ — сказалъ ему Петръ.

— Не въ чемъ, братъ, меня обличать—проговорилъ кротко, но не совсѣмъ спокойно Семенъ.

— „Не въ чемъ? А нука сказывай, какъ молодымъ бабамъ десятины мѣряешь?“

Семенъ не вытерпѣлъ и плюнулъ.

— Тьфу! мели больше! — проговорилъ онъ.

— „Ты не плюйся, а водку-то поднеси,“ сказалъ Петръ.

— Мелево, мелево и есть — говорилъ Семенъ, подноси водку.

Петръ, выпивъ, опять надолго закашлялся какимъ-то глухимъ, желудочнымъ кашлемъ.

— „Вели подносчику-то своему выпить: у него давно слюнки текутъ“ — обратился онъ ко мнѣ, едва отдыхая отъ кашля, и замѣчаніемъ этимъ сконфузилъ и меня, и Семена.

— Выпей, Семенъ; что-жь ты самъ не пьешь?— поспѣшилъ я сказать.

— Слушаю-съ— отвѣчалъ растерявшійся Семенъ, налилъ себѣ черезъ край стаканъ и выпилъ. — Я теперь пойду, отнесу штофъ въ горницу — прибавилъ онъ.

— Ступай, сказалъ я.

Семенъ ушелъ. Онъ, кажется, нарочно поспѣшилъ уйти, чтобъ избавиться отъ колкихъ намековъ Петра; тотъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ съ насмѣшкою и обратился ко мнѣ:

— „Ты, баринъ, взаправду не осердись, что я просто съ тобой говорю; коли хочешь, такъ я и отстану.“

— Напротивъ, я очень люблю, когда со мной говорятъ просто.

— „Это, вѣдь, ужь мы съ Сергѣичемъ давно смекнули.“

— Смекнули? —

— „Смекнули — отвѣчалъ Петръ. — Ты не смотри, что мы съ нимъ въ лаптяхъ ходимъ, а, вѣдь, на три аршина въ землю видимъ. Коли ты не сердишься, что съ тобой говорятъ, я, пожалуй, тебя прощу и на ухо тебѣ скажу: ты не дурашный, а умный—слышь? А все, братецъ ты мой, управляющему своему, Сенькѣ, скажи отъ меня, чтобъ онъ палку-понукалку не на полатяхъ держалъ, а и на полосу со временемъ выносилъ: нашъ братъ мужикъ-плутъ какъ узнаетъ, что въ передкѣ плети нѣтъ, такъ мало, что не повезетъ тебя, да тебя еще осѣдластъ. Я это тебѣ говорю, сочти хоть такъ, за вино твое! Скажемъ по мужикѣ, да надо сказать и по баринѣ.“

— За совѣтъ твой спасибо; только самъ вотъ ты отчего кашляешь? —

— „Боленъ я, братецъ ты мой.“

— Чѣмъ же? —

— „Нутромъ, порченный я“ — отвѣтилъ Петръ, и лице его приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто жь это тебя испортилъ? спросилъ я. Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ? отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла! — отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— „Не знаетъ, сѣдая крыса, словно и взаправду не знаетъ,“ отозвался Петръ.

— Знать-то, другъ сердечный, може и знаемъ, да только то, что много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, не угодишь — отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который чувствовалъ къ Петру если не страхъ, то, по крайней мѣрѣ, замѣтное уваженіе.

— „Что не угодить-то? Не на дорогу ходилъ!“ сказалъ Петръ и задумался.

— Что такое съ нимъ случилось? спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло. Мы, вѣдь, батьки-мужики-дураки, мотуновъ да шатуновъ дѣтокъ, какъ я же грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ и давай намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, и хозяйку приведи работящую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— „Въ моемъ дѣлѣ, голова, батька ничего — возразилъ Петръ — все отъ Ѳедоски идетъ. Въ самую еще свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошла...“

— Что-жь такъ не угодно ей было? спросилъ Сергѣичъ.

— „Не угодно ей, братецъ ты мой, показалось, что для дѣдушки Сидора старухи была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не подчивали“ — отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужь и тѣни не оставалось веселости).

Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Ѳедосья? спросилъ я.

— „Мачиха наша — отвѣчалъ Петръ, и продолжалъ: стола, голова, не досидѣла, выскочила; батька, слышь, унимаетъ, проситъ: ничего не властвуетъ — выбѣжала, знаешь, на дворъ, сама лошадь заложила и удрала; иди, батька, значитъ, пѣшкомъ, коли ей не угодили. Смѣхоты, голова, да и только въ тѣ поры было!“

Сергѣичъ опять покачалъ головой.

— Командирша была, другъ сердечный, надъ старикомъ; слыхали мы это и видывали.

— „Командирша такая, голова, была, что синя пороха безъ ея въ домѣ не сдувалось. Бывало, голова, не то, что хозяйка моя приведенная въ домъ, а дѣвки-сестры придутъ иной разъ изъ лѣсу голодныя, не смѣютъ вѣдь, братецъ ты мой, безъ спросу у ней въ лукошко сходить да конецъ пирога отрѣзать; все батькѣ въ уши, а тотъ сейчасъ и оговоритъ: такъ изъ куска-то хлѣба, голова, принимать кому это складно?“

— Злая баба въ дому хуже черта въ лѣсу — проговорилъ Сергѣичъ и потомъ прибавилъ: ваша Ѳедосья Ивановна, другъ сердечный, Петръ Алексѣичъ, у сердца у меня лежитъ. Сережка мой, може, изъ за нея и погибаетъ. Много народу видѣло, какъ она въ Галичѣ съ нимъ въ харчевнѣ деньгами руководствовала.

Петръ махнулъ рукой.

— „Говорить-то только неохота“ — пробунчалъ онъ про себя.

— Да, то-то, продолжалъ Сергѣичъ, было ли тамъ у нихъ что — не вѣдаю, а болтовни про нее тоже много шло. Вотъ и твое дѣло: за краснымъ столомъ въ обиду вошла, а може не съ наливки сердце ея надрывалось, а жаль было твоего холоства и свободушки — да!

Петръ еще больше нахмурился.

— „Песъ ее, голова, знаетъ! А, пожалуй, на то смахивало“ — отвѣчалъ онъ и замолчалъ; потомъ, какъ бы припомнивъ, продолжалъ: — „разъ, братецъ ты мой, о Казанской это было дѣло, поѣхала она праздничать въ Суровцево, нарядилась, голова, знаешь, что купчиха твоя другая; жеребенокъ у насъ тогда былъ, выкормокъ, конь богатый; коня этого для ней заложили; батька самъ не поѣхалъ, и меня, значитъ, въ кучера присудилъ.“

— А у кого въ Суровцовѣ-то гостились? — перебилъ Сергѣичъ.

— „Гости, голова, у насъ въ Суровцовѣ были хорошіе: у Лизаветы Михайловны, коли знавалъ“ отвѣчалъ Петръ.

— Знавалъ, другъ сердечный, знавалъ: гости наипервые.

— „Гости важные. Все, голова, наша Өедосья весело праздничала; бесѣды тоже на вечеру; тутъ, братецъ ты мой, дворовые ребята изъ Селеницына наѣхали; она, слышь, съ тѣми шутитъ, балуетъ, жгутомъ лупмя ихъ лупитъ; другой, сердечный, только выгибается, да еще въ стыдъ ихъ вводитъ, голова: купите, говоритъ, дѣвушкамъ пряниковъ; какіе вы парни, когда у васъ на пряники не хватаетъ!“

— Какая! пряниковъ проситъ! — проговорилъ Матюшка.

— Бойкая была женщина, смѣлая! — замѣтилъ Сергѣичъ.

— „Поѣхали мы съ ней, такимъ дѣломъ, на четвертый день поутру — продолжалъ Петръ, подперши голову обѣими руками и замѣтно увлеченный своими воспоминаніями — на дорогу, извѣстно, опохмѣлились маненько; только Өедоска моя не пѣсни поетъ, а сидитъ пригорюнившись. Ладно! Ѣдемъ мы съ ней, такимъ дѣломъ, путемъ-дорогой.... Вдругъ, голова, она схватила меня за руку и почала ее жать, крѣпко сжала. „Петрушка!“ говоритъ — „поцѣлуй меня!“ — Полно, го-

ворю, мамонька, что за цѣлованье!“ — „Ну, Петрушка — говоритъ она мнѣ на это — кабы я была не за твоимъ батькой, я бы замужъ за тебя пошла!“ — Я, знаешь, голова, и разсмѣялся. „Что, песъ, говоритъ, смѣешься? А то, дуракъ, може и не знаешь, что хоша бы родная мать у тебя была, такъ бы тебя не любила, какъ я тебя люблю!“—На томъ, говорю, мамонька, покорно благодарю. „Ну, говоритъ, Петрушка, никому, говоритъ, николи не говорила, а тебѣ скажу: твой старый батька заѣдаетъ мой молодой вѣкъ!“—Это, мамонька, говорю, старуха на двое сказала, кто у васъ чей вѣкъ заѣдаетъ! — „Да, говоритъ, ладно, разсказывай! Нынче, говоритъ, батька тебя женить собирается; ты, говоритъ, не женись, лучше въ солдаты ступай, а не женись!“ — Что же, говорю, мамонька, я такой за обсѣвокъ въ полѣ? — „Такъ, говоритъ, противъ тебя здѣсь дѣвки нѣтъ, да и я твоей хозяйки любить не стану.“ За что же, говорю, нелюбовь будетъ? — „А за то, говоритъ, что не люблю бабъ, у которыхъ мужья молодые и хорошiе.“

— Ты однако женился? перебилъ я Петра.

— „Нà; али испугаться и не жениться? возразилъ онъ.

— По любви, или нѣтъ?

— „Почемъ я знаю, по любви, али такъ. Нашелъ у насъ, мужиковъ, любовь! Какая на роду написана была,

на той, значитъ, и женился!“ — отвѣчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Петръ.

Сергѣичъ подмигнулъ мнѣ.

— Не сказываетъ, сударь, а дѣло такъ шло, что на улицѣ взглянулась, на посидѣлкахъ поссидѣлись, а домой разошлись — стали жалость другъ къ дружкѣ имѣть.

— „Что за особливая жалость, голова, а, извѣстно, дѣвку бралъ зазнаемо: высмотренную,“ — отвѣчалъ Петръ еще съ большей досадой.

Русскій мужичекъ не любитъ признаваться въ нѣжныхъ чувствахъ.

— А мачиха дѣйствительно не любила жены твоей? спросилъ я его.

— „Нѣтъ, не любила“ — отвѣчалъ онъ мнѣ коротко и обратился болѣе къ Сергѣичу. Тутъ тоже, голова, какъ и судить: хоть бы бабѣ моей супротивъ дѣвокъ первые годы житье было не въ примѣръ лучше, только, братецъ ты мой, она все ее подводила! Вотъ тоже эдакъ, въ отлучкѣ когда, на работѣ: „рубашекъ, говоритъ, тебѣ не послала, поклону не приказывала,“ и кажинный, голова, разъ, какъ съ работы воротишься, кажинный разъ такъ сдѣлаетъ, что я Катюшку либо побраню, либо и зуботычину дамъ. Та, братецъ ты мой, терпѣла, терпѣла да и стала говорить: „За что ты, говоритъ, меня тиранишь? Это, говоритъ, оттого, что у тебя любовни-

ца есть.“ Какая, говорю, любовница? — „Бочариха,“ говоритъ. А я бочариху года два, почесть, и въ глаза не видалъ. Кто это тебѣ сказывалъ? — Сначала, голова, не открывала, а тутъ говоритъ: матка сказывала, слышь!“

— Такъ, такъ, сомущали, значитъ — подхватилъ Сергѣичъ.

— „Еще какъ, голова, сомущали-то — продолжалъ Петръ. Вышла мнѣ такая оказія, братецъ, въ Кострому идти работать — ладно. Только передъ самымъ моимъ этимъ отходомъ, Ѳедоска такую штуку подвела, слышь: сложила, ужь будто-бы Катюшку съ извощикомъ Гришкой, знавалъ, може? — что будто-бы, братецъ ты мой, Катюшка бѣгала безъ меня къ маткѣ на праздникъ; весь народъ по улицѣ гулялъ, а они съ Гришкой ушли въ лѣсъ по черницу. Дѣло-то, знаешь, на отходѣ было, выпивши; я на Катюшку и взъѣлся, а она стала съ глупа-то браниться: почто пью. Я и прибилъ ее и шибко прибилъ. Что же, голова, опосля узналъ? Катюшка, слышь, и на праздникъ не ходила. Стало мнѣ ее, голова, хоть бы и жалко. Какъ пришелъ въ тѣ поры въ Кострому, сейчасъ купилъ ей ситцу на сарафанъ, два плата, босовики и послалъ съ ходокомъ. И, братецъ ты мой! и пошла у нихъ изъ-этого тановщина: дѣвки позавидовали, обозлились на Катюшку, матка тоже пуще всѣхъ, и къ батькѣ съ жалобой. „Вотъ, говоритъ, онъ

какой: ни мнѣ, ни дѣвкамъ твоимъ по наперстничку не присылалъ, а все въ женнинъ сундукъ валитъ.“ Батька, извѣстно, осерчалъ, говоритъ Катюшкѣ: „Поди, принеси наряды, что мужъ прислалъ.“ Ну, та, голова, молода еще была, глупа, нарядиться тоже охота, взяла будто пошла за нарядами, да къ маткѣ и убѣжала, тамъ ихъ спрятала, а сама домой и нейдетъ, боится. Батька, однако, оттоль ее ссягнулъ и бить прибирается: давай, да и только, наряды! И отняли такимъ манеромъ: матка взяла себѣ босовики и сарафанъ, а дѣвки по плату раздѣлили.“

— Какъ же батька могъ взять твои подарки у жены? спросилъ я.

Петръ посмотрѣлъ на меня, какъ бы удивлясь моему вопросу.

— Заведенье у насъ, государь мой милостивый, по крестьянству такое, отвѣчалъ за него Сергѣичъ. Ежели теперича мужичекъ хозяйкѣ что посылаетъ, такъ и дому всему долженъ послать. Коли примѣрно, бабѣ сарафанъ, такъ маткѣ шаль, а сестрамъ по плату, али сережки. Это ужъ нельзя: не порядокъ, значитъ, будетъ супружницу обряжать да наряжать; а другимъ бы, хоть бы дѣвкамъ, али маткѣ, гдѣ взять? За косулей да за коровами ходючи, не много нарядишься. Хоть бы и Петръ Алексѣичъ по сердцамъ это сдѣлалъ.

— „Вѣстимо что по сердцамъ, отозвался Петръ. Въ

тѣ поры, какъ [illegible]воротился, Катюшка тоже все мнѣ это говоритъ; я т[illegible]къ, братецъ ты мой, и положилъ: плюнуть, отступ[illegible]ться; только то вижу, голова, что бабенкѣ ни за что н[illegible] про што житья нѣтъ: на работѣ моромъ морятъ, а п[illegible]о ихнему все спитъ, дѣлаетъ все не такъ, да не ладн[illegible]о, дура да затрапезница, больше и клички нѣтъ. Налож[illegible]или, братецъ ты мой, тѣмъ временемъ у насъ въ вотч[illegible]нѣ бревенъ по полсотнѣ съ тягла—ладно. Батька, из[illegible]вѣстно, присудилъ, чтобъ я это справилъ; а чтобъ, [illegible]примѣрно, не медлить дѣломъ, сваливши бревно, сучья обрубить и подсобить его навалить на колеса шла бы въ лѣсъ Катька моя. Бабенка той порой была на сносѣ. Я батькѣ и говорю: „какъ, я говорю, батька, тяжелой бабѣ съ бревнами возиться?“ — Что-ста, говоритъ, али мнѣ изъ-за васъ околѣвать въ лѣсу? — „Я, говорю, батька, самъ собой этого дѣла не обѣгаю; а, что теперича для спорыньи, пожалуйста, пошли хоть старшую сестру со мной, а хозяйку мою побереги; я, говорю, заслужу вамъ это.“ Батька ничего, голова, пробунчалъ только маненько, а Ѳедоска и слѣзаетъ съ голбца: „Наши дѣвки, говоритъ, про васъ не работницы, вы-ста, говоритъ, съ твоей толсторожей хозяйкой только даромъ хлѣбъ ѣдите!“ Какъ, я говорю, матка, мы даромъ хлѣбъ ѣдимъ? За что, про что ты насъ этимъ попрекаешь? Я со всего двора подушную оплатилъ, за себя оброкъ предоставилъ; теперь, говорю, за батьку и задѣльничаю; а

хоша бы и хозяйка моя—за тебя же круглый годъ на задѣлье бѣгала; какъ же говорю, такъ: мы у васъ даромъ хлѣбъ ѣдимъ? Заругалась, заплевалась, голова, и все на Катьку больше: „ты, говоритъ, мужа сомущаешь, а онъ того не знаетъ, что ты и то и се, съ тѣмъ и другимъ.“ Ну та, братецъ ты мой, заплакала. „За что, говоритъ, мамонька, ты противъ хозяина такъ меня губишь?“ Я тоже, братецъ, не стерпѣлъ. „Что же, говорю, Ѳедосья, и выругалъ ее—согрѣшилъ грѣшный—долго ли, выходитъ, мы должны отъ тебя обиды принимать? Вы, я говорю, у хозяйки моей, словно разбойники какіе, всѣ наряды обобрали, морите бабу на работѣ, куска ей не уболите съѣсть, да еще поносишь такими словами, а по правдѣ, може-быть, не Катька моя, а сама ты такая?“ И, ты братецъ ты мой! и батька поднялся, будто за наряды и драться, голова, лѣзетъ. Я руки-то маненько ему и попридержалъ: еще пуще старикъ обозлился, сгребъ, голова, меня за шиворотокъ и прямо къ бурмистру въ сборную стащилъ. Такъ и такъ, сынъ буянствуетъ. Тотъ мнѣ сейчасъ плюхи двѣ далъ и приказываетъ, чтобъ я батькѣ въ ноги поклонился. Я въ ноги поклониться-поклонился, да бурмистру и говорю: „Батькѣ, говорю, Иванъ Васильичъ, покорствую; а что теперича мы всѣ пропадаемъ изъ-за мачихи; хозяйка моя на работѣ измаяна, словомъ обругана. Може, вы теперь мнѣ довѣрья не сдѣлаете, такъ извольте, говорю, на-

шихъ дѣвокъ, сестеръ моихъ, спросить: пускай онѣ передъ образомъ скажутъ, что онѣ отъ нея понесли да потерпѣли...“ Ну такъ, вѣдь, тоже нашего Ивана Васильевича помнишь: немного было правды...“

— Правда его была: кто больше чаемъ поитъ да денегъ носитъ—замѣтилъ Сергѣичъ.

Петръ кивнулъ въ знакъ согласія головой и продолжалъ:

— „Закричалъ на меня: „Цыцъ! молви еще слово противъ батьки—выхлещу!“ и вонъ выгналъ.... Ладно разсудилъ... что мы, голова, опосля того, съ хозяйкой притерпѣли — и Боже ты мой! Батька не глядитъ, не смотритъ; въ большой избѣ, видишь, тѣсно отъ насъ стало: поселили въ коровью, безъ полу, безъ лавокъ, вмѣстѣ съ телятами. Коли мы теперь съ бабой что-нибудь на работѣ позамѣшкаемся, сейчасъ, голова, безъ насъ совьютъ, соберутъ, и отобѣдаютъ; коли щей тамъ останется, такъ Ѳедоска въ лоханку выльетъ, чтобъ только намъ не доставалось—до чего эхидствовала!...“ Проговоря это, Петръ вздохнулъ, а потомъ, помолчавъ, продолжалъ: „кабы не это дѣло, пошто бы мнѣ съ батькой дѣлиться, на грѣхи эти идти? Старика оборвалъ и себя надорвалъ.“

— Какъ, другъ сердечный, не надорвать! возразилъ Сергѣичъ, не даромъ поговорка идетъ: „врагъ захотѣлъ— братья въ раздѣлъ“. Хотѣли, значитъ, милліоны на-

жить, а стали по-міру ходить... Помню я суды-то ваши съ родителемъ передъ бариномъ; какъ еще смѣлости вашей хватило идти до него по экому дѣлу?

Петръ отвѣчалъ на это только вздохомъ.

— Что жь, развѣ у васъ баринъ строгій? сказалъ я.

— Нѣтъ, государь милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ, строгости особливой нѣтъ, а извѣстно, что... дѣло барское, до дѣловъ нашихъ, крестьянскихъ, доподлинно не доходилъ... Въ усадьбу тоже наѣзжаетъ временно; а мужики наши—глупой вѣдь народецъ и полѣзутъ къ нему со всякими нуждами — такъ тоже въ какой часъ попадутъ; въ иной все смирно да ласково выслушаетъ, а въ другой, пожалуй, еле и ноги уплетутъ—да!

— „Горячъ ужь больно, кричать такой здоровый....“ замѣтилъ Петръ.—„До барина бы, кажись, тѣмъ дѣломъ я прямо и не пошелъ, прахъ все возьми: гдѣ тутъ съ ними разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ. „Есть ли, говоритъ, у тебя жена? спрашиваетъ меня, слышь.—Есть, говорю, барыня.— Любишь ли ты, говоритъ, ее? — За что, говорю, не любить! не чужая, а своя; только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступилась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперь, говорю, у бабенки моей малый груд-

ной ребенокъ, грудью покормить почесть-что и некогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска и та еще коли не коли въ ротъ попадетъ. — Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка. Папаша, папаша! кричитъ, голова, — барина, мужа батькой обзываетъ, слышь!"

— Обзывала, обзывала, и я слыхалъ — подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ! отозвался Матюшка и засмѣялся.

— „Баринъ, голова, подходитъ. „Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка; вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста." Баринъ, голова, крикнулъ, знаешь, на меня по своему: „какъ, говоритъ, у тебя коровы нѣтъ? пропилъ, каналья!"—Никакъ нѣтъ-съ, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачихи мы пропадаемъ; въ раздѣлъ бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣлъ не пускаетъ и при дворѣ не держитъ, какъ надо". Онъ маненько и смякъ. „Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцемъ: я васъ разберу." Я, голова, пришелъ домой, говорю батькѣ: „къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуютъ". Пошто? говоритъ; слышь, испугался старикъ. Жаловался, что ли ты, разбойникъ, на меня? „Нѣтъ, говорю, батька, что жаловаться! Въ отдѣлъ только просился; у тебя семья

своя, у меня своя, что намъ на грѣхѣ жить!“ Батька и заплакалъ, слышь; ну старый ужъ человѣкъ былъ, извѣстно! „Богъ съ тобой, говоритъ, Петрушка, поилъ, кормилъ я тебя, а ты, говоритъ, теперь, я старый да хворый, хошь меня покинуть.“ Мнѣ стало жаль его, голова. — Что, говорю, тятенька, кидать мнѣ тебя кабы не твоя Ѳедосья Ивановна? „Полно, говоритъ, Петрушка, поживи со мной, все будетъ хорошо.“ Такъ мы и порѣшили, голова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужь другое поретъ. „Мнѣ-ста, тебя, супротивника, не надо: ступай отъ насъ вонъ; пойдемъ къ барину.“ Пойдемъ, говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ, должно, голова, стороной слышалъ что нибудь: на меня эдакъ посмотрѣлъ—ничего, а на батьку взмахнулъ глазами: „говорите!“ говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и курицъ-то припутали, я-то еще говорю словно какъ бы дѣло, а батька и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я ему и говорю: „не грѣхъ ли, говорю, батька, тебѣ это говорить?“ Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батьку: „ахъ ты, говоритъ, старый хрѣнъ, съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену, да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнялъ! Сейчасъ, говоритъ, старая лисица, плутъ, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ.“ И пошелъ, голова!... Тутъ

лакей подвернулся—на того; барыня пришла: „что ты, говоритъ, душечка, сердишься и себя не бережешь!“ и на ту затопалъ. Мы съ батькой ужь ничему и не рады, драло изъ горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Ѳедосью Ивановну ведутъ подъ ручки...“

Сергѣичъ засмѣялся.

— Ступай, значитъ, Варвара на расправу: такъ ее, бестію, и надо—проговорилъ онъ.

— „Воротилась, голова, и прямо на печку; ничего ужь и не говоритъ, только проохиваетъ. Смѣхъ и горе, братецъ ты мой!“

Сергѣичъ продолжалъ улыбаться.

— „Будетъ! баста!—сказалъ Петръ—пора ужинать. Барину, я вижу, любо наше каляканье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ! подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ.“

Матюшка подалъ ему.

— „Спасибо. Я тебя за это въ первый разъ, какъ хлестать станутъ, за ноги подержу, и ужь крѣпко, не бойся, не вывернешься.“

— Да за што меня хлестать станутъ? спросилъ Матюшка.

— „И по моему, братецъ, не за што: душа ты кроткая, голова крѣпкая — проговорилъ Петръ и постучалъ Матюшкѣ въ голову. Вона, словно въ пустомъ овинѣ!

Ничего, Матюха, не печалься! Проживешь ты вѣкъ, словно кашу съѣшь. Маршъ, ребята!“ —закричалъ онъ, вставая.

— За угощенье твое благодаримъ, государь милостивый, сказалъ Сергѣичъ, кланяясь.

— „Да ты ниже кланяйся, старый хрѣнъ! всю жизнь спину гнулъ, а не изловчился въ этомъ! — подхватилъ Петръ, нагибая старику голову.

Сергѣичъ засмѣялся, Матюшка тоже захохоталъ.

— „Прощай, баринъ“—продолжалъ Петръ, надѣвая шапку.

Веселость Петра впрочемъ вспыхнула на минуту: онъ опять потупилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо; я долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную и здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

IV.

Настало Успенье. Я былъ въ приходѣ у обѣдни и оттуда зашелъ къ моей знакомой, Аринѣ Семеновнѣ. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ я сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть на народъ, толпящійся у кабака. Изъ толпы вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ; оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Пузичъ, увидавъ меня, остановился и поклонился, а Козыревъ, нахмуренный и мрачный, прошелъ было сначала мимо, но потомъ тоже оста-

новился и, продолжая смотрѣть на все исподлобья, сталъ поджидать товарища.

— „Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть! проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ, братецъ, въ другое ужь время—сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправлялся куда шелъ.

— „Баринъ! Господинъ! позвольте съ вами компанію имѣть!“ — прокричалъ Пузичъ на всю улицу, такъ что Арина Семеновна обезпокоилась этимъ и подошла къ окну.

— Не хорошо, не хорошо, Пузичъ — сказала она — мужикъ вы хорошій, богатый, а безпокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— „Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть! — воскликнулъ опять Пузичъ — ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны — сейчасъ! Позови только Пузича: „Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ, тысячу цѣлковыхъ“—значитъ, сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги! Денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, его привосходительство, значитъ, отдалъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должонъ благодарить. Теперича, господинъ Писемскій мнѣ скажетъ: „Подай, мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ!“ Изволь, бери.... Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть?...“

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка что-то

съ неестественнымъ ему печальнымъ лицомъ и робко подошелъ къ Пузичу.

— Дядюшка, дай два рублика-та, пробормоталъ онъ.

Лице Пузича въ минуту измѣнилось: изъ глупо-подлаго оно сдѣлалось строгимъ.

— „Какіе твои два рубли?“ сказалъ онъ, обернувшись къ Матюхѣ лицемъ и уставивъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать нечѣмъ— проговорилъ тотъ.

— „Какія твои деньги у меня? За какія услуги? говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять“ — проговорилъ Пузичь и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? — проговорилъ онъ , поднимая шапку.

— „Молчать! Поговори еще у меня! — продолжалъ Пузичъ — Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть?“

— Пузичъ, идемте! — проговорилъ Козыревъ, которому ужь, видно, наскучило ждать.

— „Идемъ, идемъ! Флегонтъ Матвѣичъ — отвѣчалъ Пузичъ — „дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны! — отнесся онъ ко

мнѣ и очень довольный, что ему удалось покуражиться надъ Матюшкой передъ всемъ народомъ, пошелъ съ Козыревымъ опять въ кабакъ. Бѣдный Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? Тебя не разсчитываетъ подрядчикъ?—спросилъ я его.

— „То-то-тка, все вотъ жилитъ, да дерется еще"— отвѣчалъ онъ уходя.

Прошло съ четверть часа послѣ этого. Я продожалъ сидѣть и смотрѣть въ окошко. „Однако отецъ Николай что-то долго нейдетъ — думалъ я — неужели онъ все еще молебны служитъ?" Около церкви никого ужъ не видать, а между тѣмъ въ противуположной сторонѣ, къ кабаку, народъ дѣлается все гуще и гуще. Наконецъ, я увидѣлъ ясно, что туда идутъ и бѣгутъ.

— Кажется, пожаръ! — сказалъ я, вставая.

Въ это время вошелъ отецъ Николай, блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! что такое случилось? Откуда вы? — спросилъ я.

— „Что, сударь! случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужъ поздно — злодѣи этакіе!"

— Кто такіе? Кто кого убилъ? спросилъ я.

— „Плотники.... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться.... слово за слово, да и драка....

одинъ молодецъ и уходилъ подрядчика на смерть" отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича-ли это? сказалъ я.

— „Его, его, Пузича, если знаете. Плутоватый былъ мужиченко."

— Кто-жь его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— „Да я ужь и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой."

— Батюшка! нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому?

— „Врядъ ли! — отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ, какъ могъ, проворно къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ продраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой по серединѣ лежалъ вверхъ лицемъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленникъ, лицомъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддёвки его правый рукавъ былъ оторванъ; рубаха вся изорвана въ клочки; правая рука изсѣчена цирюльникомъ, но кровь ужь не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру,

тоже съ обезображеннымъ лицомъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Что ты надѣлалъ? сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— „Давно ужъ, видно, мнѣ дорога туда сказана!— проговорилъ онъ и прибавилъ сотскому: что больно крѣпко вяжешь? не убѣгу.“

Въ толпѣ, между тѣмъ, нѣсколько бабъ ревѣло или, лучше сказать, голосило:

— Батюшка, кормилецъ мой! завывала одна.

— „Что ты надсажаешься? Али родня?“ говоритъ ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсаждаться! все человѣческая душа, словно пробка выскочила!—отвѣчала женщина.

— „Пускай пореветъ; у бабъ слезы некупленныя“— замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О-о-о-ой! стонала еще другая баба — куда теперь его головушка поспѣла?

— „Удивительная вещь, удивительная вещь!“—толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицемъ, должно быть, изъ торговцевъ.

— Какъ у нихъ это случилось? — спросилъ я его.

— „Пьяные, сударь — отвѣчалъ онъ — Пузичъ съ утра съ Ѳомкой пьетъ; пьяные-съ! По началу они принялись вдвоемъ въ кабакѣ этого толсторожаго парня

бить; не знаю, про што его и связали; онъ ничѣмъ не причиненъ!... Цѣловальникъ видитъ, что дѣло плохо: бьютъ челокѣка не на животъ, а на смерть, караулъ закричалъ. Мы въ кабакъ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ. „Зашто, говоритъ, парня бьете?“ и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ да и на него. Пузичъ за волосы его сребъ, а Ѳомка подъ ногу его подшибаетъ, и Петруха — на моихъ глазахъ это было — раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не беретъ, такъ кусаться сталъ, впился въ плечо зубами да и замеръ. Мы было съ сотскимъ начали разнимать ихъ— гдѣ тутъ! за ноги хотѣли было ихъ разстащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ меня сапогомъ по головѣ; такъ шабашъ — нали шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужь кричать: „воды! водой разливайте!“ Я было побѣжалъ зачерпнуть — прихожу: все ужь порѣшено. Петруха, говорятъ, оборанивался, оборанивался и какъ ухватитъ его за поперегъ, на аршинъ приподнялъ, да и хрясь о землю — только проохнулъ. А Козыревъ испугался, вскочилъ на своего живодернаго коня и лупмя почалъ его лупить плетью, чтобъ ускакать. Ребята тутъ смѣются ему: „возьми, говорятъ, колъ; ишь плетью-то не пробираетъ, бока больно толсты.“ Такой дуракъ: угналъ — словно не найдутъ....“

А. Писемскій.

III. БАСНИ.

---

1. Богачъ и бѣднякъ.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
Хотя достоинства онъ всякія имѣлъ,
А бѣдняка никто не только-что не встрѣтилъ,
Никто и не примѣтилъ,
Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ;
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ:
Короткое иль да, иль нѣтъ.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ:
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горечью отходитъ.

Потомъ
За бѣднякомъ
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.
Хоть добродѣтелями онъ не отличался,
Но только въ двери показался:
Сказать нельзя какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачемъ;
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;
И подъ руки его берутъ;
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ;
Поклоны чуть ему земные не кладутъ
И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лесть,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
„Зачѣмъ — онъ говоритъ ему —
„Достоинствамъ, уму
„Богатство свѣтъ предпочитаетъ?“
— Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ.

2. Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной;
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ — и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ такъ на мужика пеняли:
„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“
— А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ. — „Да наши предки...“ Знаю
И все читалъ, но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли?
— „Да наши предки Римъ спасли!“

— Все такъ, да вы что сдѣлали такое?
— „Мы? ничего!“ — Такъ что-жь и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ!
Имъ по дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое!

Крыловъ.

3. Мірская сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.
Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки лисицы
Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Собрать на Общій Сходъ,
И распросить того-другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны,
На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны:
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить. —

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ вѣрно были?
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Крыловъ.

4. Двѣ собаки.

Дворовый, вѣрный песъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
„Ну, что, Жужутка, какъ живешь
„Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
„Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
„Какъ службу ты несешь?“
— На счастье грѣхъ роптать — Жужутка отвѣчаетъ —
Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
Живу въ довольствѣ и добрѣ,
И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ; а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь? — „Я — отвѣчалъ Барбосъ —
„Живу по прежнему: терплю и холодъ

„И голодъ,
„И, сберегаючи хозяйскій домъ,
„Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;
„А если не впопадъ залаю,
„То и побои получаю.
„Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,
„Безсиленъ будучи и малъ,
„Межъ тѣмъ, какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
„Чѣмъ служишь ты?“ — Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!
— Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу —
На заднихъ лапкахъ я хожу.
Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ!

Крыловъ.

5. Совѣтъ мышей.

Когда-то вздумалось мышамъ себя прославить,
И для того Совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длинной во весь ихъ ростъ;
Примѣта у мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
(Умно ли то — теперь мы спрашивать не будемъ;
При томъ же, объ умѣ мы сами часто судимъ

По платью, иль по бородѣ).
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ Совѣтъ,
У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,
Хотя бъ лишилися онѣ его среди сраженья —
Такихъ въ Совѣтъ не принимать.
Все дѣло слажено; назначено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ,
И, наконецъ, въ мучномъ ларѣ
Открыто засѣданье....
Но лишь позаняли мѣста —
Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую мышь толкаетъ
Мышенокъ молодой,
И говоритъ: „какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
Скажи, чтобы ее скорѣе выслать вонъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла!"
А мышь въ отвѣтъ: „молчи!... Все знаю я сама,
Да эта крыса мнѣ кума".

Крыловъ.

6. Волкъ и ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ:
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ;

Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться.
И надобно жь бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ волкъ.
Ягненка видитъ онъ, стремится на добычу;
И чтобы дѣлу дать законный видъ и толкъ,
Кричитъ: „какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ —
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и иломъ?
За дерзость такову,
Я голову съ тебя сорву".
— Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью,
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу.
— „Поэтому я лгу?!
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!"
— Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году —

Ягненокъ говоритъ. — „Такъ это былъ твой братъ“.
— Нѣтъ братьевъ у меня. — „Такъ это былъ иль сватъ,
И словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И, если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой раздѣлаюсь за ихъ грѣхи“. —
— Ахъ, чѣмъ я виноватъ? — „Молчи, усталъ я слушать!
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать“.
Сказалъ — и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

Крыловъ.

НАРОДНЫЙ МѢСЯЦОСЛОВЪ.

Январь. Году начало, зимѣ середка.

1. Васильевъ день, авсень (таусень). Новый годъ. На Васильевъ вечеръ дня пребываетъ на часъ.

5. Крещенскій вечеръ. Сочельникъ. Ставятъ мѣломъ кресты.

24. Аксиньи полухлѣбницы. (Преп. Ксеніи *). Переломъ зимы. Озимовое зерно пролежало въ землѣ половину срока до всхода. Половина стараго хлѣба съѣдена; половина срока до новаго хлѣба.

Февраль. Февраль три часа дня прибавитъ. Февраль воду подпуститъ, Мартъ подберетъ.

2. На Срѣтенье зима съ лѣтомъ встрѣтилась.

29. Преп. Касьяна въ високосный годъ.

Мартъ. Въ Мартѣ курица изъ лужицы напьется.

---

*) Надобно помнить, что народныя именованія святыхъ относятся не къ лицу святаго, а ко времени празднованія его памяти. Въ скобкахъ отмѣчены имена по календарю.

1. (Преподобно-мучен. Евдокіи). Первая встрѣча весны. Съ Евдокіи запѣваютъ веснянки, и поютъ до Троицына дня. Коли на Евдокію холодно, скотъ кормитъ лишнихъ три недѣли. У Евдокіи вода, у Егорья трава. Коли курочка въ Евдокіи напьется, то и овечка на Егорья (23 апрѣля) наѣстся.

9. На 40 мучениковъ день съ ночью равняется. Вторая встрѣча весны. Зима кончается, весна начинается.

17. Преп. Алексія Божьяго человѣка. Покинь сани на повѣть; сряжай телѣгу. Каковы на Алексѣя ручьи (большие или малые), таковъ и разливъ.

19. Со дня св. муч. Дарьи холсты бѣлятъ.

25. На Благовѣщенье весна зиму поборола; третья встрѣча весны. На Благовѣщенье дождь, родится рожь. Мокрое Благовѣщенье — грибное лѣто.

27. (Св. Матроны). Матрены на̀стовицы (настъ — окрѣплый снѣгъ). Прилетъ пигалицъ. Отбираютъ половину рѣпы для сѣмянъ. Щука хвостомъ ледъ разбиваетъ. Овсянка прилетѣла и поетъ.

Апрѣль. Съ Апрѣля земля прѣетъ. Коли Апрѣль съ водою, такъ Май съ травою.

1. (Преп. Маріи Египетской). Снѣгъ подъ кустомъ растаялъ. Если разливъ на Марію Египетскую, то травы много будетъ. Около первыхъ дней Апрѣля запасъ капусты выходитъ. Захотѣлъ ты въ Апрѣлѣ кислыхъ щей (т. е. съ капустой)!

5. (Св. Мученика Ѳеодула). Сверчки просыпаются.

8. На день Ап. Родіона (Иродіона) ледъ ломается.

11. (Св. м. Антипы). На день Св. Антипы воды разливаются.

14. (Св. Мартина папы римскаго). Воронъ купаетъ дѣтей и отпускаетъ ихъ въ раздѣлъ.

17. Преп. Зосимы: разставляй улья въ пчельникъ.

23. День Егорія (Георгія) храбраго, Егорія вешняго.

На Егорьевской недѣлѣ прилетъ ласточкамъ. Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ (травой). Выгоняютъ въ первый разъ

скотъ въ поле. Ранній посѣвъ яроваго съ Юрія (Георгія), средній—съ Николы (9 Мая), поздній—съ Іоанна Крестителя (24) до Тихона (16 Іюня). Ранній горохъ сѣй до Георгія, поздній послѣ Георгія (Нижній).

25. На день св. Марка прилетъ пѣвчихъ птицъ стаями. Выходятъ ловить чижей (Тула).

28. На день св. муч. Максима больныхъ начинаютъ лечить березовымъ сокомъ.

Май. Коли въ Маѣ дождь, будетъ и рожь.

6. (Св. Іова многострадальнаго). Со дня Іова росы распускаются. Сѣютъ горохъ. («Сѣю, сѣю, бѣлъ горохъ: уродился мой горохъ и крупенъ и бѣлъ и самъ тридесятъ»).

8. День Іоанна Богослова: посѣвъ пшеницы (южныя губерніи).

9. Овесъ и пшеницу сѣй: ранніе съ Николина дня, поздніе съ Пахомьева (Нижній). Съ Николы вешняго сади картофель. Городи городьбу послѣ Николина дня.

15. На день Преп. Пахомія поздній посѣвъ овса и пшеницы.

20. (Св. Мученика Ѳалалея). Сади огурцы.

25. На день Іоанна Крестителя: поздніе яровые посѣвы пшеницы.

29. (Муч. Ѳеодосіи). Ѳеодосіи (колосяницы): хлѣбъ колосится. Сѣвъ гречи. (Владиміръ).

30. На день Преп. Исакія сажаютъ бобы, приговаривая: «уродитесь, бобы, и крупны и велики, на всѣ доли, на старыхъ и на малыхъ!»

31. (Ап. Ермія). Покинь сѣтево (сѣвалку).

Іюнь. Начало лѣта.

1. Красное утро на Устина—красный наливъ ржи. Рожь красно открасуется.

3. На Ап. Луку южный вѣтеръ—къ урожаю яровыхъ; сѣверозападный—къ сырому лѣту; восточный—къ наноснымъ болѣзнямъ (Тверь, Владиміръ, Ярославль).

4. Со дня св. Митрофанія сѣй ленъ и гречу.

8. Росы съ В. Муч. Ѳеодора къ урожаю льна и конопли.

12. Со дня Преп. Петра Аѳонскаго (Солноворота); солнце на зиму, а лѣто обращается на жары. Запоздалый капустникъ; послѣднiй посѣвъ огурцамъ и посадка разсады.

23. Муч. Агрипины (Аграфены). Начало купанья.

24. Рождество Іоанна Крестителя. Первый покосъ (Югъ).

26. На Тихвинскую ягоды поспѣваютъ.

29. Съ Петрова дня красное лѣто, зеленый покосъ. Если просо въ Петровъ день съ ложку, будетъ его на ложку. Петровъ день— проводы весны. До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до Спаса (16 Августа) засѣять.

Іюль. Страдникъ.

Въ Іюлѣ на дворѣ пусто, да на полѣ густо. Іюль хоть раздѣнься, а Декабрь потеплѣй одѣнься.

1. Въ огородахъ гряды полютъ.

4. На день Св. Андрея озими въ наливахъ дошли, а батюшка овесъ до половины доросъ. Овесъ въ кафтанѣ, а гречѣ и рубахи нѣтъ.

12. Св. Прокла—великiя росы.

20. (Св. Пророка Илiи). Ильинъ день зажинаетъ. Первый снопъ. Къ Ильину дню заборанивай паръ. Съ Ильина дня собираютъ горохъ. На Ильинъ день перегоняютъ пчелъ, подчищаютъ улья, подрѣзываютъ первые соты. Съ Ильина дня работнику двѣ угоды: ночь длинна, да вода холодна.

25. На день Преп. Макарiя начало Нижегородской ярмарки.

27. (Бл. Николая). Вилки въ кочни завиваются.

Августъ. Августъ каторга да послѣ будетъ мятовка.

1. Первый Спасъ *) поспѣваетъ малина. Паши подъ озимь, сѣй озимь. Пчела перестаетъ носить медовую взятку. Подрѣзывай соты.

---

*) Т. е. въ м. Августѣ первый праздникъ во славу и честь Христа Спасителя.

4. Семь отроковъ—Сѣногной.

6. (Преображеніе Господне). Второй Спасъ *). Пришелъ Спасъ—всему часъ: плоды зрѣютъ. На второй Спасъ и нищій яблочко съѣсть. Со втораго Спаса засѣвай озими. Яровое поспѣваетъ ко второму Спасу, а убирается къ Симеону Столпнику. Подрѣзываютъ соты; снимаютъ плоды.

16. Третій Спасъ **). Ласточки отлетаютъ въ три раза, въ три Спаса.

18. На Флора и Лавра кропятъ лошадей. Начало осеннимъ утренникамъ.

22. На день св. муч. Агаѳоника раскидываютъ снопы по гумнамъ.

26. На день с. муч. Наталіи косятъ овесъ.

28. Преп. Моисея Мурина. Хлѣбъ складываютъ въ скирды.

Сентябрь. Въ Сентябрѣ одна ягода да и та горькая рябина. Холоденъ Сентябрь, а сытъ.

1. На день Преп. Симеона Столпника солятъ огурцы. Симеона Лѣтопроводца. Послѣдній посѣвъ ржи. На Сименовъ день сѣмена выплываютъ изъ колосьевъ.

8. (Рождество Пресв. Богородицы). Вторая встрѣча осени. Убираютъ пчелъ (Пенза, Саратовъ); собираютъ лукъ (Ярославль, Вологда).

14. Воздвиженье.

15. (Св. Великомуч. Никиты). Гуси летятъ въ отлетъ.

18. Если журавли полетятъ, то на Покровъ будетъ морозъ; а нѣтъ, то зима позже.

24. (Муч. Ѳеклы). Ѳеклы (заревницы). Замолотки.

25. На день Сергія Преподобнаго капусту рубятъ. Если первый снѣгъ на Сергія Преподобнаго, то зима установится на Михайловъ день.

---

*) Второй праздникъ въ честь Христа Спасителя.

**) Третій праздникъ въ честь Христа Спасителя.

27. Преп. Савватія. Убираютъ улья.

30. На день св. Григорія жгутъ старую солому изъ постелей и набиваютъ новою.

Октябрь. Грязникъ.

Октябрь ни колеса́, ни полоза ни любитъ.

1. Покровъ — первое зазимье. Покровъ землю покроетъ гдѣ листомъ, а и гдѣ снѣжкомъ. Захвати тепла до Покрова̀ (вычини избу).

22. На Казанскую дождь лунки нальетъ—зиму приведетъ. Ранняя зима о Казанской на саняхъ.

28. Парасковіи. Мнутъ ленъ.

Ноябрь.

1. Св. Муч. Козьмы и Дамьяна. Первые морозы.

8. Съ Архистратига скотъ выгоняютъ на зимній кормъ.

21. Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы.

Декабрь. Студень.

6. На св. Николу зима съ гвоздемъ ходитъ, т. е. бываетъ морозъ.

12. Св. Спиридона (солноворота). Если цѣна на хлѣбъ упадетъ, то хлѣбъ будетъ дешевъ. Закармливаютъ куръ гречихой, чтобы раньше неслись.

25. Святки: славятъ Христа, ходятъ съ вертепами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

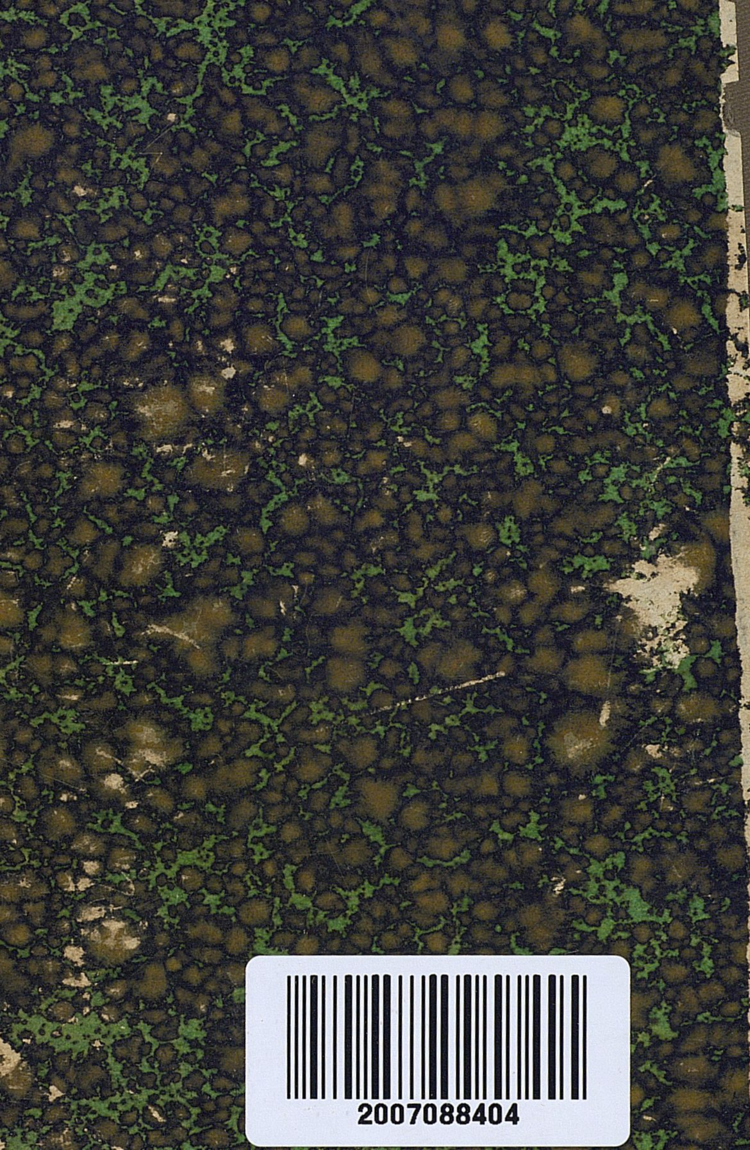
ОТДѢЛЪ II.

Въ главныхъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и Москвѣ продаются:

Худякова, Великорусскія сказки. Три выпуска. Каждый по 75 коп. сер.

Худякова, Великорусскія загадки. Ц. 60 коп. сер.

Худякова, Матеріалы для изученія народной словесности. С.-Пб. 1863. Ц. 50 коп. сер.

2007088404